

МАТРИЦА

АННА

РУССКИЙ
ХИТ

Томбур

Анна Малышева

Тамбур

«АСТ»

Малышева А. В.

Тамбур / А. В. Малышева — «АСТ»,

Если соседи по тамбуру доверяют друг другу, они не запирают дверей. Если мужчина обманывает нескольких женщин сразу, одна из них непременно отомстит. Если в семье нет доверия – она разрушится. Если любят слишком сильно, порой убивают. Аксиома не требует доказательств. Преступление – требует. И оно уже совершено...

© Малышева А. В.

© АСТ

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 2	32
Глава 3	37
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Витальевна Малышева

Тамбур

Роман

Пролог

Подземный переход

Ночью подземные переходы метро начинают пугать всерьез. Можно испугаться кого угодно – нищего со столь зловещим лицом, что ему впору промышлять на большой дороге, а не просить Христа ради, опухшей бомжихи, которая невразумительно и вместе с тем агрессивно требует милостыню, продавца грошовых игрушек, который назойливо предлагает свой товар... Пугает не он сам, не его товар – уродливые собачки, заводные солдаты с автоматами, которые стреляют цветными огоньками. Пугает то, что вокруг него. То, что намертво въелось в салютную кафельную стену за его спиной, в плитки под его ногами. То, что и является истинным цветом ночи – не черным, а тускло-серым. Цветом голода, цветом отверженных, цветом преступления.

И потому женщина с девочкой лет двенадцати, спешившие выйти из перехода, так испугались, услышав за спиной резкий оклик:

– Пойдите!

– Что?!

Те разом остановились и обернулись. В этих ночных призывах, раздающихся в глухих местах, часто звучит не угроза, а мольба. Она звучала и сейчас в голосе молодой девушки, которая догоняла их, торопливо запахивая на груди расстегнутое пальто – в метро было жарко, в переходе – умеренный климат, на улице – мороз.

– У меня точно такая же, – задыхаясь, проговорила девушка, подбежав вплотную. И вдруг виновато улыбнулась: – Простите! Вы испугались? Я ищу жениха для кошки...

И застенчиво прибавила:

– Ей сейчас очень нужно. Так орет по ночам, что соседи жалуются. Наверное, думают, что мы ее мучаем. Ей шесть лет, и я подумала – пора бы связать, чтобы потом хоть котенок на память остался. Она же не вечная! Только не с кем. А у вас...

– Наш Пушик? – радостно воскликнула девочка. Она первой пришла в себя, и теперь ее личико, искаженное страхом, снова стало миловидным. – А ему ведь тоже надо! Мама, правда ведь?

– Извините, – повторила девушка. – Просто у вас тайская кошка, у меня тоже тайская, а женихов нет... У вас – кот?

– Кот, – наконец, подала голос мать девочки. Она и в самом деле держала в объятиях тайского кота – бежевого окраса, с темной мордой, лапами и хвостом. Его голубые глаза выражали полную невозмутимость. Он один не испугался неожиданного «нападения» в переходе метро.

– Как повезло! – радовалась девушка. – И какой милый! Сперва я даже подумала, что это несут мою Вассу. Так похожи...

– И мы, мама, тоже получим котенка на память! – просияла девочка. – Нашему Пушику восемь лет!

– Вот именно, что восемь, – рассудительно, однако, вполне дружелюбно произнесла мать. – Он уже не молоденький. Не на что рассчитывать.

– Но, мама!

– В любом случае, – засуетилась девушка, – возьмите мой телефон. Сейчас!

Она принялась копаться в сумке в поисках бумаги, но ничего не нашла. Тогда девушка оторвала клочок от пачки сигарет и торопливо нацарапала номер:

– Вот! Меня зовут Мария. Маша.

– А меня Светлана, – радовалась девочка. Она смотрела то на случайную знакомую, то на мать, и в ее взгляде мелькало что-то заискивающее. Так смотрят дети, которые очень любят родителей и понимают, что те относятся к ним несколько иначе. Дети, которые слишком рано узнали, что такое нелюбовь. – Наш телефон...

– погоди, – оборвала ее мать. – Что ты суетишься? Наш кот – старый.

– Но, мама...

Кот поднял голову с плеча женщины, будто тоже хотел высказать мнение по поводу будущей свадьбы. Скорее всего, отрицательное. Но ничего не сказал. Его старшая хозяйка нахмурилась:

– Давайте-ка созвонимся завтра. Мы слишком устали, ездили за город.

– И что – вот так? – поразила девушка. – Без переноски, без ошейника?

– О, наш Пусик такой спокойный! – Девочка продолжала рекламировать жениха, но в ее голосе звучала настоящая тревога. – Он такой милый, он...

Мама! Ну почему ты так? У тебя хотя бы появится подружка!

Девушка оторопела. В этом возгласе было столько отчаяния, уже совсем недетского, что ей вдруг показалось, что не стоило останавливать этих людей, которые явно торопились домой после трудного дня. А может быть, и стоило... Глаза этого подростка умоляли ее остановиться. Настоять на знакомстве. В них явно читалось: «На помощь!»

Но кому и зачем было помогать? Эти люди не были похожи на изгоев. На женщине – дорогая модная шубка, девочка одета проще, но как же еще одевать подростка, который вытягивается на глазах? У девочки – мягкое, привлекательное лицо, вскоре обещающее стать красивым. Лицо матери, еще не увядшее, не выражало...

Оно вообще ничего не выражало. Женщина спокойно смотрела на собеседницу, прижимая к груди кроткого кота. Зато дочь была вне себя:

– Мама, я дам наш телефон? Мама, я...

– Дай, – бросила та через плечо, отворачиваясь и невозмутимо продолжая путь.

– Вот, – засуетилась девочка, отыскивая в кармане клочок бумаги. Нашелся фантик от жвачки. – Это мамин мобильный, это мой...

– У тебя есть мобильный телефон?

– Да, – девочка взметнула такой молящий взгляд, что Маше снова стало не по себе. Счастливый ребенок не мог так смотреть. Вообще ни один ребенок не должен был смотреть так. Даже тот, что просит милостыню в переходе метро.

– У меня есть телефон, – девочка обернулась, отыскивая взглядом мать, уже почти исчезнувшую на выходе из подземного тоннеля. – У меня все есть. Меня зовут Света.

– Ты говорила.

– Да? – будто в оцепенении переспросила та и вдруг бросилась вслед за удалявшейся фигурой, облаченной в дорожную шубку.

«Что за черт, – растерянно подумала девушка, глядя на опустевший переход. – И ведь сколько раз говорила себе – не знакомься на улице. На кого только не напорешься... А кошка перебьется. Ну дам еще одну таблетку. Ну не посплю еще ночь. Голосок у нее! Можно посадить на пожарную машину вместо сирены. Пускай вращает своими голубыми глазами и орет».

Когда она поднялась наверх, матери и дочери там уже не было. От них не осталось ничего, кроме фантика от жвачки, на котором были записаны два телефонных номера.

Девушка нащупала эту бумажку, когда глубже засунула руки в карманы. Внезапно она поняла, что пошла не в ту сторону. Ей нужно было свернуть направо, а она... Получается, возвращалась туда, где забыла перчатки.

Туда.

Куда решила больше не возвращаться.

К тому.

С кем решила никогда не говорить.

Может быть, именно потому она и заговорила с незнакомыми людьми. Ведь иногда хочется просто с кем-то поговорить.

Ночной магазин

Утром жена попросила купить к ужину «чего-нибудь». Алёна просила робко, будто заранее извиняясь за то, что вернется с работы слишком измотанной для того, чтобы заняться хозяйством. Они редко ужинали вместе. Жена возвращалась с работы усталая, бледная – казалось, на ее худощавом нервном лице навсегда отпечатался мертвенный свет люминесцентных ламп коммерческого банка, где она оформляла лицевые счета. Приходя с работы и видя на кровати скрюченную, обессиленную фигурку, Сергей уже не решался просить о каких-то услугах. Завтракали также порознь. Что такое совместный обед – давно забыли. Ели на работе, и еда была такой пресной и безвкусной, что он через пять минут забывал, что ел. Зато вспоминал об этом вечером, когда начинало саднить в желудке – гастрит вступал в свои права. Но вот, в кои-то веки, она попросила купить «чего-нибудь».

Наверное, рассчитывала прийти домой пораньше. А он вот запоздал.

Хорошо, что еще вспомнил... И вспомнил лишь потому, что, очнувшись от привычной, усталой оцепенелости, порезался о случайный взгляд возле ночного магазина.

«Ну и парень, – подумал Сергей, остановившись у освещенной витрины. Это было единственное место в глухом переулке, где удавалось что-то разглядеть. – С таким в лифт не садись!»

А в сущности, в этом молодом человеке ничего пугающего не было. Наверное, – лет двадцати.

Темные, небрежно подстриженные и все-таки ухоженные волосы блестели в неоновом свете вывески магазина и, если к ним прикоснуться, наверняка оказались бы шелковистыми. Глаза черные – хотя при таком освещении разобрать было трудно. Обычный прохожий – но с каждой секундой он все больше удивлял Сергея.

Одет не по погоде – на улице мороз, а на нем ничего, кроме классического костюма-тройки. Будто парень удрал из офиса, прикупить булочку к чаю. Днем это никого бы не удивило – ну выскочил на минутку, ну молодость – мороз нипочем, работа срочная... Но какой там офис около полуночи, какой чай? И если учесть, что на улице было уже минус пятнадцать... Сергей вспомнил, как взглянул на термометр, уходя с работы, и выругался про себя – утром понадеялся на лучшее, надел легкие ботинки.

Поза этого парня... Ему бы, на таком холоде и в такой одежде, рвануть в магазин, в тепло, купить, что нужно, и аллюром обратно. А тот стоял перед витриной, легко и небрежно положив руки на бедра, будто собирался спеть арию Кармен из оперы Визе. Но не пел. Даже не двигался. Просто что-то созерцал.

Но главное – взгляд. Это был остановившийся взгляд человека, который видит перед собой нечто страшное, настолько страшное, что даже отказывается от попытки сопротивления. Так могла бы смотреть жертва, которую загнали в угол несколько мучителей, и она, поняв, что спастись нельзя, от ужаса теряет и силу воли, и рассудок. Так могла бы смотреть на своего насильника женщина, которая уже безо всякой надежды шепчет помертвевшими губами:

«Пожалуйста, не надо...». И так мог бы смотреть на нее насильник, втайне пугаясь того, что сейчас совершит. Иногда преступник и жертва смотрят совершенно одинаково. Но за стеклом витрины этого ночного магазинчика ничего страшного не было. Кого могли напугать кирпичики хлеба, шоколад, собачьи консервы и бутылки с газировкой?

Поднималась метель – в переулке под стенами домов разворачивался, шипя, клубок спутанных снежных змей. Рядом коротко и солидно мяукнула кошка, человек обернулся. Во тьму мимо него скользнули два женских силуэта. Побольше – в шубе, поменьше – в курточке. Явно мать и дочь. Кошки он не заметил. Молодой человек, который давно должен был окоченеть на морозе, тоже обернулся и, не торопясь, проводил взглядом прохожих.

«Он мне не нравится».

Это была категорическая, обрывочная ночная мысль смертельно уставшего человека, который даже не дает себе труда додумать – почему не нравится?»

За стеклом виднелась пышная пожилая продавщица с лицом, покрытым то ли слоем грима, то ли жира. Они видели ее, она не видела их. И внезапно Сергею подумалось, что молодой человек запросто может войти в магазин и... свернуть, например, шею этой женщине. Просто так. Потому что ему больше нечего делать.

«Почему он так туда смотрит?»

Мысли о том, что нужно сделать покупки, вылетели из головы. Он забыл и о времени, и о жене, и о том, что новая начальница явно к нему не благоволит. Реальной осталась лишь темная улица, освещенная призрачным светом витрины, и это лицо. Надо признать, красивое.

Очень белая кожа. Правда, в свете неона она казалась голубой. Правильные черты, которые из-за своей правильности могли бы даже показаться скучными, если бы не линия носа – слегка горбатого. И нежная, совершенно девичья шея, виднеющаяся из-под ворота рубашки.

Но взгляд все портил. Так смотрит только человек, который может убить.

Который хочет убить.

Или который уже убил.

Молодой человек резко толкнул дверь магазинчика и вошел. Через витрину было видно все – как зевнула ему навстречу продавщица, как поздоровалась, явно видя не впервые, продала пачку сигарет. Сергей вошел следом, разом вспомнив о заказе жены. Наугад купил пельмени, от которых следовало ожидать лишь изжоги, банку маринованных огурцов, колбасу.

Он делал покупки почти с ненавистью. Почему-то именно этим вечером он особенно отчетливо ощущал, что у него есть квартира, жена и двое детей, а на самом деле у него нет ни дома, ни семьи. Пусть квартира принадлежит ему, но жена принадлежит работе, а дети – бабушке, у которой они сейчас и ночуют.

«А я сам? Я нужен кому-то или нет?»

Такие мысли приходили по ночам, когда он возвращался с работы, издерганный, усталый, почти больной. И каждый раз думал – к чему так надрываться, для кого? Он чувствовал себя заложником, которому велели отвернуться к стене и сложить руки за головой. Причем не сказали, сколько именно придется простоять в этой унижительной позе. «А чего ты хочешь? – спросила бы Алёна. – Это – жизнь».

– Дай еще коньяку, – по-приятельски сказал молодой человек продавщице.

– А я думаю – когда вспомнишь. – Она встала на пластиковые ящики с пивом и ловко достала бутылку с верхней полки. – Я уже наизусть знаю, чего тебе надо.

– Не упали.

– Я-то ладно. – Она спустилась на пол, лениво растирая округлый бок, обтянутый синим нейлоновым передником. – Бутылку бы не разбить.

Он расплатился. Они говорили, как во сне – без интонаций, глядя не в глаза, а куда-то в лоб – в «третий глаз». Так говорят люди, которые друг другу глубоко безразличны. Молодой

человек взял бутылку, прижал ее к груди, как младенца, и обернулся к Сергею. Глаза у него оказались синими. Неправдоподобной синевы и невероятной жесткости.

– Разрешите, – он протиснулся за Сергеем и исчез за дверью.

«Уже убил или скоро убьет», – снова подумал он, провожая взглядом парня и удивляясь этой мысли. Почему она так навязчива? Откуда взялась? Ведь было же что-то, вызвавшее ее... Неужели только взгляд? Когда парень вышел и над дверью фальшиво брякнул колокольчик, он спросил продавщицу:

– Кто это?

– Это? – Женщина грузно перегнулась через прилавок. – Да никто. Живет по соседству.

Четвертый день пьет.

Она оказалась словоохотливой, и мужчина узнал, что они с синеглазым парнем, в сущности, соседи – живут через дом.

«А я его не припомню...»

– Повезло ему, – со сдержанной ненавистью сообщила продавщица. – Таким вот везет, а честным людям... Не дожدهшься! Получил в наследство квартиру и денежки.

«Какая чепуха, я слишком устал, вот и мерещится. Но мне показалось, что у него на руке...»

– Ничем не занимается, днем спит, выходит по ночам. Бездельник!

«Я видел это! У него на руке, на той, которой он взял бутылку с коньяком... На правой! А она ничего не заметила!»

– А вообще, он вежливый, – интимно сообщила женщина, перегнувшись через прилавок. – Только в последнее время сам не свой. Наверное, что-то случилось.

«Ну уж за это я ручаюсь! Если я видел это не во сне, то случилось!»

Дома он осторожно положил сверток с покупками на кухне. Но все-таки не настолько осторожно, чтобы не разбудить жену. Та медленно выползла из спальни, зябко запахивая грудь в сиреневую ночную рубашку. Глаза глядели исподлобья – спросонья.

– Который час, – она не спросила, а пробормотала. У нее не осталось сил даже на вопрос.

– Поздний.

– Купил чего-нибудь?

– Вон – на столе.

Женщина подошла и осмотрела покупки. Качнула растрепанной прической, которая завтра, в банке, снова станет аккуратной.

«Но не для меня».

– Сколько говорила – не покупай эти пельмени.

– Тогда покупай сама.

– Когда мне успеть... – Она растерла ладонями затекшее лицо и вдруг взглянула на мужа внимательней. – Что с тобой? Очень устал?

– Я сейчас встретил парня... – начал было Сергей, но осекся, увидев, что жена облокотилась на стол и сжала ладонями виски. Так бывало всегда, если у нее разыгрывалась мигрень.

– И что? – пробормотала она. – Я встретила за день столько парней... и девиц. И мужчин и женщин... Только вот детей не видала – в том числе собственных. Они счетов в банке не открывают. Надо будет забрать их от мамы, хотя бы на воскресенье.

– Я хочу сказать, что у этого парня... Алёна, – он присел к столу и обнял жену за плечи, – у него рука была в крови.

Она подняла голову и посмотрела на него с недоумением. Так смотрит внезапно разбуженный человек, которому поведали о чем-то сложном и ненужном – после долгого трудового дня, в первом часу ночи. Например, об основах учения Конфуция.

– Он живет неподалеку, – продолжал Сергей, – выглядит странно. Красивое лицо, дорогой костюм и...

Жена отмахнулась и снова прикрыла глаза.

– Глаза убийцы. – Сергей тряхнул ее за плечо, и та удивленно разомкнула ресницы, плохо отмытые от туши. – Продавщица из ночного магазина сказала, что он нигде не работает и четвертый день пьет. У него правая рука испачкана в крови! Он ее прятал под пиджак, когда расплачивался, я еще заметил, что он отсчитывал деньги с трудом. Потому что левой! Ему было неудобно брать сдачу левой рукой! Когда он пытался взять монету, та покатила по столу, и он ее не взял! Чтобы не привлекать к себе внимания!

– Хватит о деньгах. Весь день в банке на них люблюсь...

– Да я видел его правую руку! Видел на свету, когда он брал бутылку! А главное, глаза! Он ведь мог убить кого-то, говорю тебе! И он был таким заторможенным, выглядел, как лунатик, который случайно зашел в ночной магазин и сам не понимает, чего ему надо...

Из всего, что он произнес, жена уловила только слова «ночной магазин». И сонно сказала, что так дальше жить невозможно – с работы допоздна не отпускают, детей не видишь, а в тех магазинах, которые открыты до полуночи, продают такую пакость...

Постель

– Ты уходишь? – Женщина приподнялась на локте и настороженно следила за мужчиной, который начал одеваться. – Какой в этом смысл? В такую пору...

– Хочу выпастся, – тот едва обернулся на ее голос.

– Выпастся можно и здесь. – Женщина села в измятой постели. – Что тебе мешает?

– Лучше дома.

– Совесть замучила? – язвительно поинтересовалась она. – Раньше надо было думать!

– Только не надо читать мораль! – Мужчина обернулся. Его лицо выражало такую скуку, что женщина разом осеклась.

«Лучше бы он злился. Лучше бы ударил меня, что ли. А еще лучше – ее! Эту идиотку! Да все лучше, чем это!»

– Никто морали не читает, – ей трудно было говорить рассудительным, холодным тоном, прикрывая голую грудь простыней. Это был инстинктивный жест – обнажая чувства, люди часто стыдятся телесной наготы. – Но все равно – как ты мог ей лгать?!

– О, в нас проснулась жалость!

Он продолжал одеваться, не оборачиваясь, а женщина следила за его резкими движениями почти с ненавистью. Еще час назад она бы не поверила, что может смотреть на него с таким чувством.

– А кто дал ей ключ от моей квартиры. – Она яростно вскочила, завернувшись в простыню. – И сказал, что квартира твоя? Кто встречался с нею здесь, пока я была в командировках? Да я вообще перестала тебе верить!

– Значит, раньше верила?

Их взгляды скрестились, как рапиры. Казалось, послышался лязг заточенной стали. Мужчина отвел глаза первым.

– Ладно, – она перевела дух и попыталась принять достойный вид, что было нелегко. Как было бы нелегко любой женщине, которую только что застала в постели... Нет, не жена ее любовника. Его вторая любовница. Девчонка, которая вбежала в комнату, стаскивая зубами перчатки и распахивая объятия... И нарвалась на постельную сцену. Потому что у нее, черт побери, были ключи.

– Ладно, я могу понять, что ты изменяешь жене, – сказала она как можно спокойней. – Могу понять даже то, что у тебя есть кто-то еще... Кроме жены. Ты ведь говорил, что она давно стала тебе чужой. Или... – Женщина прищурилась. – Не стала? Чему я могу верить после того, как ты устроил тут притон?

– Таня, хватит!

– Хватит чего? – Она подошла и со вкусом вlepила ему пощечину. Хотела повторить – внутри все пылало, но он перехватил ее запястье. Рука оказалась очень жесткой.

– А я повторяю вопрос. – Татьяна дышала с трудом, пытаясь освободить руку. Не получалось. – Пусти! Сволочь! Ты изменял не только жене, ты изменял мне, да еще и ключи от моей квартиры давал той...

– Да провались! – Мужчина внезапно оттолкнул ее, одновременно отпустив руку, женщина едва устояла на ногах. – Никто из вас мне не нужен! Ни ты, ни она, ни...

Татьяна отступила к постели, растирая онемевшее запястье.

– То, что ты натворил, называется преступлением. – Она все еще старалась говорить спокойно. – Ты обеспечил чужому человеку, бог знает кому, доступ в мою квартиру. Она могла меня обокрасть. Она... Спала на этой постели! С тобой! Мылась в моей ванне! И думала – дура, дура! – что квартира снята специально для встреч с нею! Да как можно быть такой наивной! Как можно не заметить, что тут постоянно живут!

– Ну тогда и ты совершила преступление, обеспечив мне доступ в свою квартиру! – бросил мужчина, уже совершенно одетый. Он наклонился и поднял с пола два темных комочка: – А насчет кражи... Смотри, ты еще осталась в выигрыше! Она оставила тут свои перчатки!

И он швырнул их Татьяне в лицо. Та оцепенела и едва смогла вымолвить побелевшими от гнева губами:

– Чтобы никогда больше... Сюда...

– Вот!

Теперь мужчина бросил ключи – не ей в лицо, на постель, но женщина вздрогнула точно так же. Она задрожала, и тут лед, заковавший ей сердце с той минуты, когда сюда вбежала наивная, румяная с мороза, счастливая девушка, сломался. Татьяна упала на постель и зарыдала:

– Что я тебе сделала? Как ты мог? Вот так, да? Так просто устроил свою жизнь?! Иди к жене! Иди к той! Иди, куда хочешь! Но чтобы сюда больше – ни ногой! Я не нищенка, чтобы выпрашивать любовь! Желающих полно!

– Тем лучше. – Он уже отошел к двери и теперь отыскивал пальто среди груды одежды, наваленной в кресле. Когда они встречались – обычно раз в месяц, то раздевались очень порывисто. – Я буду за тебя спокоен.

– Какой же ты...

– Негодяй? – Он насмешливо взглянул на женщину и ей показалось, что это худший момент этого вечера, хотя вечер и сам по себе был достаточно плох. А может быть, худший момент всей ее жизни. В его взгляде не было раскаяния. Не было нерешительности, которая хоть на миг овладевает любым мужчиной, когда он бросает женщину. Она ощутила себя чем-то, что использовали и бросили. Именно чем-то, даже не кем-то. И сжалась в комок на постели.

– А ты – добродетельная? – Он спокойно отряхивал смятое пальто. – Знаешь, мы друг друга стоим. Ты отбивала мужа у жены. А я изменял и ей, и тебе.

– И твоей Маше... – еле слышно пробормотала женщина, ловя его взгляд. – Не сбрасывай ее со счетов!

– Кстати, о счетах, – тот обернулся, стоя в дверях. – Долг я верну.

– Можешь не торопиться.

– Какие мы сильные! – усмехнулся он и вышел. Через секунду Татьяна услышала, как захлопнулась входная дверь. Она вскочила и босиком перебежала по ледяному полу к окну, прижалась к стеклу. Вот он – вышел, плотнее подтянул шарф, открыл дверцу машины, сел... Уехал.

– Дима... – пробормотала она и провела по губам пальцами, будто стирая это имя, поморщилась, закрыла глаза. Поверить в то, что случилось, она так и не успела. Вернуться из коман-

дивовки... Назначить свидание... Твой любовник, тот, о ком втайне думаешь, как о возможном муже... Вино и свечи. Он принес розы – вон они лежат на столе, даже неразвернутые. Смятая постель. И эта девушка, застывшая на пороге комнаты с медленно гаснущей улыбкой на губах. По этой улыбке Татьяна сразу поняла, что она его любит. А после десяти минут бессвязных переговоров – Дима молчал – поняла и все остальное. Та – его любовница. И она даже не знала о том, что Дима женат. Он сказал, что не имеет возможности встречаться с ней на своей квартире и потому специально для нее, для Маши, снял эту. Для встреч.

Ее квартиру! И дал ключи, которые она однажды дала ему... Снял дубликаты... И эта девчонка стояла в спальне Татьяны, с ключами в руке... Потом уронила ключи и стала стаскивать зубами перчатки, не сводя глаз с любовников, замерших на постели. Одна перчатка упала на пол, потом другая. Девчонка зачем-то сказала: «Метель поднимается...».

У нее были пустые от ужаса глаза.

– Перчатки...

Татьяна осмотрелась и увидела на полу два сморщенных кожаных комочка. С ненавистью их схватила и, распахнув окно, разом захлебнувшись холодом, вышвырнула на улицу. Морозный воздух освежил ее разгоряченное лицо, и она с минуту стояла, глядя вниз, в узкий переулок, где металась снежная пыль под светом фонаря. Машины, конечно, не было. Он не вернулся и не вернется. Вообще никого и ничего там не было. Прошел только какой-то мужчина, худощавый, кажется, молодой. Татьяна проводила его взглядом и закрыла створку окна.

Спать не хотелось. Ничего не хотелось. Она взглянула на часы – полночь. Прошлась по комнате, кутаясь в простыню и сжимая заледеневшие локти. Остановилась, подняла ключи. Подумала, что не мешает сменить замки. Если были дубликаты...

Она старалась думать о чем угодно, только не о Диме. Только не сейчас. Потом. Сейчас – о чем-то другом. Хотя бы о том молодом человеке, который мелькнул внизу, на заснеженной улице.

Он так неторопливо шел, хотя в такую метель любой прохожий торопится. Нечего наслаждаться прогулкой. А еще, если учесть, что на нем был...

Татьяна вдруг улыбнулась, хотя минуту назад не могла бы поверить, что способна улыбаться.

На нем ведь был только легкий костюм. Или ей показалось? Нет, она разглядела – ни куртки, ни пальто. А между тем, он шел спокойно, как будто прогуливался жарким летом где-нибудь на приморском курорте. Одной рукой он что-то прижимал к груди. Другая...

Другая была странно вытянута в сторону – как будто он вымочил ее в чем-то и теперь пытался обсушить на ветру. Испачкал и не желал вдыхать неприятный запах...

«А какое мне до него дело?»

Женщина присела на постель, машинально разгладила смятые простыни. Попыталась вспомнить лицо той девушки. И не смогла. Потом заставила себя переключиться на молодого человека в легком костюме. Узнала бы она его при встрече?

«Думать о чем-то постороннем. Не о Диме».

«А он? Его лицо? У меня даже нет фотографии. Я не торопилась создавать архив. Я хотела создать семью. Он ведь говорил, что с женой все кончено... Теперь я могу забыть и его лицо».

Через полчаса, умываясь перед сном, – Татьяна все-таки надеялась уснуть – она не узнала в зеркале саму себя. Слишком долго плакала.

Звонок

– Здравствуйте. Вас слушают.

– Я правильно звоню?

– Это ночной телефон доверия. Простите, как вы узнали наш номер?

– Из рекламной листовки. Их бросают в наши почтовые ящики. Я... Могу поговорить с вами?

– Для этого я здесь, – тепло произнес женский голос. – Меня зовут Галина.

Ответного представления не последовало. Галина не удивилась – многие не желают называть свое имя. Ее и саму звали вовсе не так – то был рабочий псевдоним. Легче принять чужую боль, а порой – агрессию, если это делает «Галина», а не ты сама.

– Мне хотелось поговорить, – голос в трубке был замороженным, вялым.

– Я вас слушаю.

– Правда?

– Конечно. – Она украдкой отхлебнула глоток горячего кофе из кружки. Рядом в комнате бесшумно работал телевизор, и женщина косилась на храброе лицо Сигурни Уивер, которая, сжав в руках громадный огнемёт, отправлялась бороться с межгалактическим злом. А может, и с добром – смотря по тому, на чьей ты стороне.

– Мне не с кем поговорить, – прошептал голос, лишенный эмоций и даже пола. – Галина так и не смогла понять, кто звонит – мужчина или женщина. – Понимаете, мне нужно было решиться.

– Вы уже сделали первый шаг, когда набрали номер, – ободрила голос женщина. Сигурни тем временем сжала зубы и сказала чудовищу: «Ни черта у тебя не выйдет!» Звука не было, но женщина знала фильм наизусть. Она его любила с тех пор, как была подростком, и слегка досадовала на звонок, который помешал просмотру. Слегка – потому что работу свою она тоже любила. Эти ночные голоса, безликие, затерянные во тьме, а сегодня еще и в метели, позволяли ей забыть о своих мелких несчастьях. Муж стал холоднее в постели – не кроется ли за этим чего-то? Дочь грубит – переходный возраст. Хотела вот исправить ситуацию, добавить в дом тепла и ласки – завела овчарку, и на тебе – та всю семью перекусала. А у мамы и вовсе беда – ее замучили ночными пьянками соседи-наркоманы, а досаду она вымещает на дочери и зяте – зачем поселили ее в этой квартире? Наверное, хотят со свету сжить! Плюс – сдохла дочкина золотая рыбка. От этого бедлама она сбегала сюда, где с ней говорили люди более несчастные, чем она сама. Наверное, потому она и предпочитала ночные дежурства. Счастливые люди по ночам спят или развлекаются.

– Не надо штампов, – прошептал бесполой голос. – Не отделяйтесь от меня.

– Я от вас не отделяюсь, – встревожилась Галина. – Я слушаю.

– У меня случилось кое-что.

Пауза. Торопить клиента не нужно. Ему требуется время, чтобы собраться. Галина только и сказала: «Я здесь!», косясь на экран. Сигурни попала в жаркую переделку.

«Черт, нельзя включить звук! Кто это вообще – он или она? Если она – личные проблемы. Он – тоже личные. Черт... «Чужие» наступают! А может, перейти на телефон доверия для женщин? По крайней мере знаешь, с кем говоришь!»

– Вы здесь? – участливо произнесла она, не отводя взгляда от экрана. Лейтенанту Рипли, то бишь, Сигурни, приходилось совсем плохо. Погибли практически все ее соратники.

– Здесь, – заторможенно ответил голос. – Скажите, вы записываете разговоры?

– Конечно, нет! – Галина оторвалась от экрана. – Говорите свободно. Вас что-то тревожит?

– Кажется, убили человека, – так же спокойно ответил безликий голос.

– Простите?

– Убили человека. У вас есть определитель номера?

Определитель был. Говорить об этом не полагалось, но он был. Галина приподнялась на стуле, едва не опрокинув кружку с кофе. Лейтенант Рипли, вся в крови и грязи, отстаивала земную цивилизацию, но Галине было уже не до того. Она вдруг поверила этому голосу. Иногда

ведь звонят люди, у которых нет никаких проблем. Сами придумывают себе проблемы, просто чтобы с кем-то поговорить. Или проверить «на вшивость» телефон доверия. Или просто так. Но этот голос не лгал. Она не знала, почему так решила. Она это почувствовала.

– У нас нет определителя номера.

– У вас он есть, – уверенно сказал голос. – А мне все равно. У меня – анти-определитель. Я звоню с мобильного телефона. Кстати, вы смотрите «Чужих»?

Галина в панике взглянула на экран. Горящий лифт обрушивался в ад. Разъяренная Сигурни прижимала к груди перепачканную донельзя девочку. Сквозь прутья решетки пробились клешни и щупальца «чужих». Когда Галина была подростком и увидела это в первый раз, то сидела перед экраном на коленях, молитвенно сложив ладони на груди. Ей так хотелось, чтобы эти двое спаслись!

– Я не смотрю телевизор, – ответила она, слегка отрегулировав голос. – Я только слушаю вас.

– А я думаю, что вы смотрите «Чужих». Знаете, почему? По остальным каналам – лажа. Платного канала у вас, конечно, нет. Смотреть в это время больше нечего. А вы говорите со мной так, будто все время на что-то отвлекаетесь.

– Я...

– Послушайте, – перебил ее голос, в котором по-прежнему не было ни пола, ни интонации. – Убили человека. Это правда.

– Кого?

– Человека. Этого мало?

– Простите. – Галина попыталась собраться. – Вы хотите сделать сообщение?

– Кажется, оно уже сделано?

– Но... Постойте! Я дам вам телефон, по которому вы получите нужную информацию. Вам помогут! Не вешайте трубку!

– Мне уже помогли, – с подчеркнутой вежливостью ответил голос, – а с милицией я общаться не желаю. Выслушали меня – и большое спасибо. А теперь спокойно смотрите «Чужих».

– Погодите!

В трубке стало тихо. Галина повесила ее, взглянула на огоньки определителя. Звонивший говорил правду. Или звонившая? Звонок пришел откуда-то из ночной Москвы и растворился в ней, как в кислоте.

«А если розыгрыш?»

Эта мысль ее слегка успокоила. Галина даже нашла в себе силы обернуться к экрану и, отпивая из кружки остывший кофе, насладиться последними кадрами фильма. Сигурни настояла на своем и расправилась с мировым злом, но, как всем известно, лишь до поры до времени. До следующей части фильма.

«А если правда?»

Зазвонил телефон. В трубке раздался затравленный голос не вполне трезвой женщины, которая жаловалась на то, что ее избивает муж. Галина вздохнула.

«Пошло-поехало! К полуночи ничего другого не услышишь. А если все-таки правда?»

Но думать о бесполом тихом голосе времени не было. В эту ночь телефон не остывал, и Галина выслушала еще немало историй – частью надуманных, частью реальных, так что к рассвету окончательно перестала понимать, кто лжет, чтобы вызвать к себе сочувствие, а кто говорит правду.

Глава 1

Уснуть не удалось. Татьяна металась на постели, и каждый сантиметр простыни был ей ненавистен. Она лежала на этой простыне с ним. Она была здесь счастлива... Или воображала себя счастливой?

Женщина села, вцепилась пальцами в свалевшиеся волосы. «Подумать обо всем. Не отчаиваться. В конце-концов, мне всего тридцать, и Дима – это не последний шанс. Будут еще. Будут обязательно».

Она уговаривала себя, как могла. Напомнила себе о том, что на работе и в командировках, куда ей часто приходилось ездить, она всегда пользовалась вниманием у мужчин. Что старой девой – а таковой она все чаще себя называла, осталась лишь по двум причинам – излишняя разборчивость и стремление сделать карьеру.

«Я красивая, – твердила она, ероша волосы. – Я еще молода. В моем возрасте все только начинается. У меня отличная квартира. Любимая работа. У меня есть деньги...»

Когда она подумала о деньгах, ее передернуло. Ужасно, невыносимо, однако... А если Дима, которого она случайно встретила во время деловых переговоров о закупке мебели, сошелся с нею только затем, чтобы занять денег?

«Этого не может быть! Да разве он мог вычислить, что у меня на счету приличная сумма? Я помню, как он подошел, поздоровался. В его глазах – а глаза у него темные, непроницаемые, отразился явный интерес. Я всегда любила брюнетов. Он принес мне со столика – был фуршет – несколько рулетиков суши и коктейль. Я отказалась – сказала, что никогда не ем и не пью на фуршетах. Что не затем сюда прихожу, а для работы. Он засмеялся и поставил тарелку на ближайший стол. О чем мы говорили потом?»

Татьяна зажала лицо в ладонях, и тот вечер, который она одновременно хотела вспомнить и забыть, вернулся.

Темный зал ресторана – одного из тех приличных и безликих заведений, где проводят корпоративные вечеринки. В тот вечер праздновали юбилей фирмы и одновременно обсуждали очередную крупную сделку. Татьяна была в курсе предстоящих испытаний и потому не пила ничего, кроме минеральной воды. Она нарядилась – малиновые бархатные брюки, свитер из золотистой крученой шерсти, на шее – жемчужное ожерелье – настоящее, для тех, кто разбирается. На запястье – мобильный телефон на петле. На завтра она собиралась в очередную командировку по закупкам – если, конечно, сегодня все кончится благополучно.

– Простите, – раздалось за ее спиной, – вы...

– Я? – Татьяна приветливо обернулась. Она вообще привыкла относиться ко всем приветливо – ведь никогда не знаешь, с кем говоришь. Это может быть очень влиятельный человек, а может – опасный.

– Вы из «Альянса»?

Ее улыбка стала еще пленительнее.

– Да. Могу помочь?

– Конечно, – он тоже улыбался, и сейчас она вспомнила, что в первый момент ей очень не понравились его губы. Длинные, узкие, будто прорезанные ножом на бледном продолговатом лице. А так – он был красив. Такие лица зовутся роковыми, непонятно почему – может, из-за темного пигмента волос и глаз.

– Выпейте со мной, – любезно произнес он и представился.

Татьяна слегка растерялась, но тут же поняла, к чему идет дело. Ее давно уже перестали интриговать подобные знакомства – к тридцати годам она поняла, что все случайные связи завязываются весьма однообразно. Будь ей шестнадцать – она бы взволновалась и, возможно, влюбилась. Но ей было тридцать, она была умна, довольно состоятельна и совершенно сво-

бодна от иллюзий. Поэтому Дима особого впечатления на нее не произвел. Напротив – она чуть не обиделась на то, что он изобрел такой дешевый способ познакомиться.

«Будто принял меня за дурочку».

– Простите, нет настроения, – сказала она, и, тут же поняв, что ответила слишком резко, пояснила: – Я вообще не пью. Почти.

– И вы правы, – не обиделся тот. – На этих вечеринках всегда такая поганая выпивка – можно отравиться. Устроители платят за хорошее вино, а ресторан подсовывает сивуху.

– Верно. – Она отвернулась, но ее равнодушие было деланным. Что-то впечатлило ее в этом мужчине. Его тон – любезный и вместе с тем независимый? Взгляд – ласковый и непроницаемый? Стиль одежды – скорее спортивный, чем деловой. Это его молодило. А может быть, просто то, что он так ею заинтересовался? Татьяна повернулась к нему и улыбнулась – на сей раз искренне:

– Я предпочитаю угощаться за свой счет, а не за счет компании.

– Так может быть, – в его голосе была нерешительность, – мы куда-нибудь сбежим?

И снова она могла бы обидеться на такое легкомысленное предложение, с каким стоит обращаться только к пустоголовым девчонкам. И снова не обиделась. Каждый раз, когда ей нравился мужчина, она называла это: «Крючки сцепились». Они сцепились и на сей раз.

– Честно говоря, – сказала она, обводя взглядом зал, вылавливая из полутьмы фигуру своего полупьяного начальника, сотрудников своей и чужой фирмы и убеждаясь, что до сделки сегодня никто не дотянет – перепьются, – мне тут надоело.

– Я на машине.

– Отлично, – машинально сказала Татьяна и вдруг опомнилась. Слишком быстро она согласилась. Хотя, с другой стороны, разве ее это к чему-то обязывает?

– Неподалеку, – развивал тему Дима, провожая спутницу к гардеробу, – есть отличное место. Я там уже бывал.

«С кем? – машинально подумала она и поймала себя на мысли, что ее это волнует. – Почему? Он мне совершенно безразличен!» И в этот миг солгала.

«Отличное место» оказалось тихим, уютным и – что сейчас с болью отметила Татьяна – недорогим. Все, что касалось денег, стало для нее очень значимым – память оказывала ей плохую услугу, резко высвечивая суммы, счета, расценки. «А если с самого начала все было из-за денег?»

Но ведь ресторанчик в самом деле был приятным. Неброский интерьер, хорошая кухня, приветливая прислуга. Татьяна почувствовала голод и с неприличной жадностью съела два салата, запивая их вином. Захмелев, призналась, что не имеет времени для домашней готовки и вынуждена питаться в ресторанах. Потому так и разборчива – недолго ведь нажить гастрит.

Дима ее поддержал:

– Знакомая проблема. Работаешь, мечтаешь, а чего ради – непонятно. Зарабатываешь деньги, а для кого? Не для себя же. Кому их оставишь? Чужим людям? Даже в отпуск съездить некогда.

– Понимаю, – она пристально глядела на этого мужчину, который, неизвестно почему, вдруг начал с ней откровенничать. – Сама забыла, что такое море.

– Море... Это уже слишком. Выспаться некогда.

«Он одинок? – пронеслось у нее в голове. – Некогда съездить в отпуск, некому оставить деньги... Не понимаю. Разведен? Или врет?»

Но Дима, когда она деликатно коснулась семейной темы, немедленно сообщил, что женат. И в этот момент, ощутив весьма острую боль, она поняла, до какой степени он ей нравится. И выругалась про себя: «Не везет! Почему же так не везет! Женат, хочет развлечься! Надо заплатить по счету пополам и разбежаться. Если и встретимся, то на какой-нибудь кор-

поративной собирушке, вроде нынешней. Ничего больше не надо!» Но что-то внутри кричало, что надо, очень надо, что...

– Женат, – сквозь зубы проговорил Дима, играя вилкой. Он так и не прикоснулся к жаркому на своей тарелке. – Одно название.

Татьяна предпочла не развивать темы. Она созерцала узоры на плафоне, освещавшем стол, и заставляла себя сохранять непроницаемый вид.

– Мы давно стали чужими.

– А? – вяло откликнулась она. – Простите?

– Мы же перешли на ты!

– Разве? – нахмурилась женщина. – Ну прости. Я прослушала.

– Я хотел сказать, что практически – я не женат. – И его длинные тонкие губы расплылись в улыбке, которая ей с первого взгляда не понравилась. Однако теперь, даже после того что Татьяна услышала, улыбка ее уже не раздражала. Она отметила это про себя и снова выругалась: «Какая я дура! Неужели влюбляюсь?»

– Такое бывает, – доверительно говорил Дима, продолжая играть вилкой. – Женятся по любви... Живут вместе пару лет... И все проходит.

– Все? – иронически переспросила она.

– Все вообще. – Он поднял глаза, и женщина снова поразились тому, насколько они непроницаемы. Они были темны, холодны и серьезны – как запечатанный сейф. – А расстаться невозможно.

– Почему же?

– Зачем? – Дима вдруг заметил вилку в своей руке и аккуратно положил ее поперек нетронутого блюда. – Бросить женщину и причинить ей боль? Такое делают, но... Должна быть причина. Должен быть человек, к которому ты уходишь.

«А он слабый, – вдруг поняла Татьяна. – Сильный не стал бы рассуждать».

– Наверное, я просто боюсь одиночества, – будто услышав ее мысли, продолжал мужчина. – Я привык, понимаешь? Приходишь домой. Тебе задают вопрос: «Как дела?» Ты отвечаешь: «Хорошо». Ужин готов. Правда, – он усмехнулся, – она плохо готовит. Ложишься в постель. Гасишь свет. И...

– И?... – Татьяна иронично приподняла бровь.

– И больше ничего, – отчеканил он.

– И вы решили мне пожаловаться?

Татьяна не любила себя за язвительность. Она сама понимала, что именно эта черта и не дала ей выйти замуж, а ведь возможностей было много. Однако «язык мой – враг мой». И она не утерпела.

– А я не жалею, – спокойно, доверительно сказал он. – Я хотел поговорить с хорошим человеком.

И тут ей стало не по себе. Так бывает неловко тому, кто привык обороняться и вдруг понял, что на него вовсе и не нападают. Татьяна несмело подняла глаза.

– Вы меня извините, – сказала она. – Устаешь, забываешь, как общаться...

– Мы на ты.

– Тем более, извини, – и улыбка у нее получилась теплой, дружелюбной. – Тогда можно спросить – почему ты выбрал меня?

– Из-за твоих глаз, – немедленно ответил Дима.

– А что в них такого?

– Свет.

Ответ ее убил. Глаза у нее, в самом деле, были красивые – темно-зеленые, глубокие, опущенные густыми ресницами, которые у нее никогда не было необходимости красить. Ей делали комплименты, но слова «свет» не произносили. Она привыкла ко всему – к пошлым любезно-

стям, к наивно-грубым домогательствам, к обыкновенной похоти. Ей приходилось общаться со многими людьми, большинство из них были мужчинами, прочно женатыми, хорошо обеспеченными, загруженными работой. На ухаживания у них не было времени, на комплименты не хватало фантазии. Дима был иным.

– А дети? – невпопад спросила она.

– У нас нет детей. А ты... Замужем?

– Нет, – она свободно улыбнулась. На этот вопрос ей приходилось отвечать очень часто.

– Может быть, это к лучшему, – философски заметил он. – Когда отношения становятся официально зарегистрированными, что-то в них умирает.

Эта фраза ей не понравилась. К замужеству, оформленному в ЗАГСе, признанному соседями и родней, Татьяна относилась иронически. Если бы это имело какой-то смысл, не было бы разводов. И что может быть глупее, чем пьяная свадьба, белая фата на голове невесты, зачастую беременной, поздравления, которые часто идут не от души? Этого она не хотела ни в коем случае. И все-таки... Как любой женщине, начинающей подсчитывать свои годы, ей хотелось стабильности. А тут ей с места в карьер заявляли, что ничего подобного не будет.

– Я сама всегда так думала, – тем не менее сказала Татьяна, сохраняя независимый деловой тон. – К чему формальности?

– Иногда они все-таки нужны. Особенно, если думаешь, что на всю жизнь связываешь себя с любимым человеком... Только потом оказывается, что этот человек...

– Так вы мне все-таки жалуетесь, – желчно сказала она, отодвигая пустую тарелку.

– Вовсе нет. Кстати... – Он открыл барсетку и достал оттуда визитную карточку. – Вот. На тот случай, если я тебя не очень раздражаю. Опять напоминаю – мы на ты.

Визитку она взяла, но ничего не обещала. Своего телефона не дала. В сущности, после того как они вышли из ресторанчика (расплатившись пополам) и разъехались – он на своей машине, она в такси, все было кончено. Она и не собиралась ему звонить.

Сделка была успешно проведена, Татьяна получила причитающийся ей процент. О вечеринке давно забыли – сейчас она не смогла бы назвать и адреса ресторана. Визитка обитала в самом дальнем, непосещаемом ею отсеке бумажника. А вот Диму она не забыла.

Звонок она сделала спяну – снова отмечалось какое-то событие на работе, которое было ей безразлично. Придя домой, женщина с отвращением осмотрела заброшенную квартиру, дорогую, но слишком чистую аппаратуру на кухне – плиту, микроволновку, комбайн... Конечно, чистую – для кого же готовить? И позвонила.

Они встретились на завтра. Снова спокойный, дружеский разговор. Еще через день – более эмоциональное свидание. Дима исповедовался во всех грехах, но их оказалось немного. Смысл исповеди был таков – он несчастен. И главное – очень одинок.

Любовниками они стали через два дня. Для Татьяны это был рекорд – обычно она тянула неделю-другую. А затем она побила другой рекорд – уже через месяц поняв, что видит в этом человеке своего будущего мужа.

«А что? Должна быть семья. Не только работа, не все для карьеры. И может быть, дети?»

Мысль о детях начинала ее ранить. У сослуживцев они были. Почти у всех. Особенно активно рожали молодые, которые, казалось бы, не имели на это права, не завоевав положения в обществе. Татьяна ловила себя на мысли, что осуждает их. К чему торопиться, можно подождать. Она ведь ждала! Она работала, делала свое будущее, не оглядываясь на чувства и желания, отдала все ради того, чтобы купить хорошую квартиру в центре Москвы, завести счет в банке, приобрести уважение сослуживцев. Когда она начинала, ей было трудно. Девочка из провинции. За спиной – никого. Все мысли о работе. И еще – нежелание продаваться. И теперь безмятежность юных девиц с работы, которые больше думают о личной жизни, чем о карьере, раздражала ее. Почему одним все, другим – ничего?

«Были связи, было все. Кроме счастья. И я решила, что Дима мне его даст. Я достигла такого общественного положения, что могу смело смотреть в глаза любому жениху. Пора. А он...»

Женщина вскочила с постели и пошла на кухню – в горле пересохло, хотелось выпить воды. Проходя мимо стола, она уловила приторный аромат отмерших роз, которые принес на свидание Дима.

«Почему я выбросила перчатки той девчонки, а не его цветы? Чем девчонка-то виновата? Ее обманули, как и меня. Или даже хуже, чем меня, ведь она ничего не знала о его жене. Зачем? Почему так жестоко?»

В этот момент она почти сочувствовала той девушке, которая с оцепенелым видом смотрела на постельную сцену. Будь она на ее месте, Татьяна бы расплакалась. А девушка взяла себя в руки.

Перейдя просторный коридор, она зажгла свет в кухне, открыла холодильник, достала бутылку минеральной воды.

«Сегодня я не усну».

Спать не хотелось. Не хотелось вообще ничего. Даже плакать она не могла. Женщина залпом опустошила стакан, откашлялась, вытерла набежавшие на глаза слезы.

«Ну и пусть. Пусть все кончено. Он отдаст долг и все!»

При мысли о деньгах ее передернуло. Дима занял крупную сумму полгода назад. О возврате пока речи не было. Да и быть не могло – как скажешь любимому человеку: «Верни мои деньги!» Ему было нужно поддержать бизнес, Дима мечтал об отдельной фирме. Все его мечты и проекты связывались с их будущим. Прямо об этом не говорилось, но Татьяна думала, что это прямо касается их обоих. Поэтому слова «долг» она не произносила даже про себя. Сегодня вечером он больше всего уязвил ее, обещав вернуть деньги. Это означало, что все кончено.

Она резко поставила стакан на стол.

«Ну и ладно. Еще одна ошибка. Нечего расстраиваться. Все впереди».

Татьяна обернулась, потянула руку к выключателю, думая, что теперь-то наверняка заставит себя уснуть... И замерла.

На полу, у окна, лежал человек. Спина к ней, скрюченный, худощавый. Возле его безвольно откинутой головы на линолеум натекла лужица крови, уже почти застывшая.

«Стоп-стоп, – сказала себе женщина, тяжело опираясь на стол. Она задела стакан, тот звякнул о чайник. – Не может быть».

Она всегда ценила себя за способность анализировать обстановку и быстро ориентироваться. Но тут – в собственной кухне – ничего не получалось. Был факт – но объяснений не находилось.

Татьяна отцепилась от стола и осторожно подошла к телу, почти прикишшему к батарее. На нее пахло теплом и кисло-сладким запахом крови. Женщина выпрямилась.

«Дверь!»

Подобная быстрота реакции часто ее выручала. Все было ясно – этого типа, жив он или мертв, тут быть не могло. Он тут не жил, а стало быть, и умирать не имел права. Однако он тут был. Значит, вошел через дверь – черт знает, почему и зачем. И так же непонятно почему – бес его возьми – умудрился умереть! А дверь должна быть – открыта?! Она ее не заперла?

– Зараза! – громко произнесла Татьяна, тут же прикусив острыми зубами кончики пальцев, словно боялась разбудить мертвеца. И добавила шепотом: – Однажды это должно было так кончиться!

И как всегда в пиковых ситуациях, ей вспомнилось самое дурацкое и бесполезное. Когда она обсуждала в риелторской конторе будущую покупку – эту самую квартиру в центре Москвы, то, конечно, пыталась узнать все, что могла. Огромные деньги – ну для нее, провин-

циалки, которая кровью и потом сделала карьеру и небольшое состояние. Островок, к которому умудрилась доплыть через бурное море. Словом, вся жизнь. Мечта, которая осуществилась. Безопасность и возможность посмотреть кому угодно в глаза и сказать, в каком районе живет. И в ответном взгляде увидеть зависть.

– Очень спокойный дом, – вещал риелтор, с уважением глядя на состоятельную клиентку. – За это я ручаюсь – уже продавал там квартиру. Подъезд чистый, цветы, картины на стенах...

– Видела, – спокойно сказала она, не проявляя восторга. В самом деле, осматривая квартиру, она впечатлилась видом подъезда – ровные, чистые стены, вылизанные полы, на окнах – горшки с цветами и – картины! Весьма посредственные, вроде тех, что продаются на Арбате. Большим знатоком искусства она себя не считала, но все-таки улыбнулась. Трогательно и наивно. Розовые закаты, голубые зимние пейзажи, восковые несъедобные натюрморты... Так бездарно, что почти хорошо. Есть степень бездарности, за которой начинается стиль.

– Это жилыцы повесили, – сообщил продавец.

– Легко догадаться, что не Третьяков.

– Простите?

Татьяна снисходительно улыбнулась:

– Чистый подъезд. Я это имела в виду.

– Да. Но в вашем тамбуре... Конечно, на сделку это влияния не имеет, а все-таки, хочу предупредить...

Женщина насторожилась:

– Что в тамбуре? Соседи-алкоголики?

– Что вы! – Он агрессивно замахал руками: – Все приличные люди. Четыре квартиры. Мы все выясняем, надо же знать, что продаешь. В одной – мать и дочь. В другой... Ну, та недавно досталась по наследству. Тоже очень приличный жилец. Молодой, тихий. В третьей – одинокий пожилой мужчина. Эта квартира – смежная с вашей.

Он интимно улыбнулся, будто дело о покупке квартиры носило для него сексуальный характер.

– Четвертая – свободна. Физически и юридически. И я могу вас поздравить – такие чистые варианты встречаются редко. Я был бы счастлив всегда так продавать.

– Ну и спасибо, – уже довольно холодно сказала женщина. Она никак не могла взять в толк, к чему такие прелюдии.

– Да, но... – продолжал улыбаться. – Там есть своя фишка.

– Что, простите?

– То есть, особенность, – быстро поправился тот. – Там дверей не запирают.

Татьяна нахмурилась. Это была ее первая реакция на все, чего она сразу не понимала. Потом слегка оттаяла:

– Понятно. Внизу – консьержка.

– Не потому, – заторопился тот. – Совсем не потому. Другие запирают. У нас старое, авторитетное агенство. Когда мы продаем квартиру, то «пробиваем» весь подъезд. Сами понимаете, мало радости, если наверху – наркоманский притон, а внизу – собачий питомник. Сверху вас будут постоянно заливать, пьянки-гулянки... А снизу через вентиляцию – вонища, и еще – лай.

– Очень мило с вашей стороны, – все больше удивлялась Татьяна, сжимая в руках сумку, где покоился залог за квартиру. – Так почему не запирают дверей? Не понимаю.

– Они запирают. Дверь в тамбур. А вот двери квартир – никогда.

Татьяна еще крепче сжала сумку – чисто инстинктивно, будто пытаясь уберечь свою собственность:

– Почему это?

– Они доверяют друг другу.

– С ума сойти...

Риелтор склонил голову:

– Я сам удивился. Сперва, когда осматривал квартиру, не понял, кто в ней живет. Вбежала какая-то девочка с котом. Потом еще заглянул пожилой мужчина – что называется, за солью. Я не вытерпел, спросил: «А кто тут прописан?» Хотя, как вы понимаете, мы и так это выясняем...

– Понимаю.

– Ну и вот, – он прикусил кончик ручки, которую вертел в пальцах и внимательно взглянул на клиентку. – Это были соседи. Они все доверяют друг другу, так что и вы можете быть спокойны.

– То есть, дверь запирать нельзя? – иронически произнесла та. – Соседи обидятся, решат, что я их принимаю за жуликов?

– Вовсе нет. Просто я рекламирую вариант. Такое нечасто встретишь.

– И не говорите!

– Так... вы внесете залог?

Когда заговаривали о деньгах, Татьяна сразу обрела почву под ногами. Деньги – это реальность. Это все. И это намного надежнее незапертой двери.

Она уплатила. Сделка была совершена через две недели, после оформления всех необходимых документов.

После переезда ей было очень не по себе, как всегда в новой квартире. Другие запахи, другие звуки за стеной. Новый вид из окна. С нею постоянно здоровались в тамбуре, и постепенно она стала узнавать соседей. Мать и дочь – обе хорошо одетые, миловидные. «Где папаша?» – спросила она себя и не смогла ответить на этот вопрос. У них был кот – Татьяна определила его как сиамского (разницы между тайской и сиамской породой она, как многие, не понимала и потому ошиблась). Кот иногда истошно орал по ночам. Она это слышала даже через толстые стены – риелтор не обманул, дом был выстроен на совесть, но и это не спасало. Был еще сосед – тихий пожилой мужчина, шуплый на вид. Она ничего о нем не знала, впрочем, как и о матери с дочкой. И в третьей квартире обитал парень – она его видела только со спины. На удивление тихий, и все бы хорошо... Но Татьяне всегда казалось, что он старается побыстрее скрыться с глаз. Ни его лица, ни его голоса она не знала. Это была тень, которая мгновенно появлялась и тут же исчезала из тамбура.

Дверей никто не запирал – это была правда. Сперва она полагала, что из-за этого к ней станут ломиться непрошенные гости, и очень этого опасалась. Но вскоре убедилась, что кнопка ее дверного звонка вполне может зарости плесенью. Ее не игнорировали, но к ней и не лезли. И тогда она сама перестала запирать дверь.

Ничего не изменилось. К ней не заходили. Ни за солью, ни поговорить, (чего можно было ждать от одинокой женщины, явно разведенной, оставшейся с ребенком). Ее вообще не замечали. Настал день, когда она, вернувшись с работы, думая о том, что одиночество становится все более ощутимым, а перспективы для брака – расплывчатыми, захотела, чтобы кто-то к ней заглянул.

Где-то в тамбуре хлопнула дверь. Но шли не к ней.

Она не запирала дверей уже и ночью. Ее не беспокоили. Спала Татьяна спокойно. Тем более спокойно, что появился Дима. Она дала ему ключи от квартиры. Ей уже не было одиноко. О соседях, живущих странной, такой доверчивой жизнью, женщина уже не думала... Дверь она запирала только в тех случаях, если уезжала в командировки. Она вошла в жизнь тамбура, ничего не зная о ней.

Заперла ли она дверь сегодня, когда он пришел?

Татьяна не могла вспомнить. Возможно, да. А может быть, и нет. Да, это было свидание. Дверь полагалось запереть. А с другой стороны – это был тамбур, где все друг другу верили. И ведь никто никогда к ней не врвался!

А почему она не слышала звона ключей в замке, перед тем как появилась эта девушка на пороге комнаты? Дверь все-таки была не заперта? Ключи были у девушки в руке, но отпирала ли она ими замки?

Татьяна не могла ответить.

Ключи давно уже стали для нее такой ненужной условностью, что женщина перестала о них думать.

И вот чем все это кончилось. У нее на кухне – труп.

* * *

– Это мой сосед, – истерически повторяла она, стоя на кухне. Трупа уже не было, а место, где он лежал, тщательно обвели мелом. В черное окно билась ополоумевшая метель. Женщина взглянула на часы. Половина третьего.

– Вы его опознали?

– Ну конечно! – Она сжала ладонями виски, стараясь прийти в себя. – Видела много раз.

Милиция приехала почти мгновенно – отделение, куда она позвонила, было сразу за углом. Четверо – один все снимал на видеокамеру, другой шастал по квартире, третий просто стоял и смотрел на пятно запекшейся крови. Четвертый – он показался ей главным – говорил с нею.

– Мы не общались, – нервно продолжала женщина, запахиваясь в махровый халат, который так и норовил разойтись в самых важных местах. – Но здоровались.

– Как он тут оказался?

Женщина с яростью подняла взгляд:

– Сама хотела бы знать! Он никогда тут не бывал, я даже имени его не знала!

– Так получается – вы вообще не в курсе дела?

Она уловила что-то очень неприятное в тоне вопроса и сразу насторожилась. Это ей помогло. Впервые за весь вечер – надо сказать, идиотский вечер – в голове у нее прояснилось. И сперва она подумала о Диме. Затем – о Маше. И потом – о ключах.

– Не в курсе, – твердо ответила Татьяна. – А вы тоже кое-чего не понимаете.

– То есть?

Следователь – а она полагала, что с ним и говорит – произнес это весьма агрессивно. Однако Татьяну это лишь ободрило. Бороться с трудностями она привыкла с детства. С тех пор как отец-алкоголик просто ради развлечения ударил ее головой о плиту в бараке, в том поселке, где они все – Таня, двое братьев, тоже спившаяся мать и, конечно же, папаша – прозябали много лет. Причем прозябали в буквальном смысле слова, поскольку дело было в Сибири. Тогда она поклялась себе в том, что достигнет успеха, и никогда в ее жизни не будет вонь, нищеты, побоев.

Она вздернула подбородок:

– Что есть, то есть. Этот тамбур – особенный. Вы прошлись бы по другим квартирам.

– В чем дело?

– А в том, что я тут не при чем. Этот человек никакого отношения ко мне не имеет.

– А как же он сюда попал?

– Это могло случиться как угодно, – Татьяна, наконец, справилась с завязками халата и больше не смотрела на меловой контур у окна. Она снова стала сильной, обеспеченной, волевой женщиной, не последним человеком в «не последней» фирме. На работе с нею считались, так почему теперь должно было быть иначе?

– Этот тамбур полон сюрпризов, – теперь уже она иронизировала, а следователь покорно слушал. – Двери не запираются. Только внешняя. Его могли убить в собственной квартире и перетащить ко мне, чтобы сделать подлость... Но в это я не верю, потому что ни с кем тесно не общалась. За что им меня ненавидеть? И все же, это первый вариант.

Теперь ее слушали все, и женщина с удовлетворением это отметила.

– Второй, – Татьяна с отвращением вспомнила о розах, которые так и лежали в комнате, на столе рядом с ее рабочим компьютером. Эти уже никому не нужные цветы ассоциировались для нее с Димой. И еще кое с кем. – Второй вариант – это мой любовник и его любовница.

Наконец-то она выговорила эти слова, которые с таким трудом сошли с губ! Следователь подался вперед, как обученная «на захват» овчарка.

– Я уже сказала, что здесь принято не запирает дверей в тамбуре, – очень спокойно, холодно продолжила Татьяна, – и я этого не делала. Разве, когда была в командировках – по работе часто нужно. Сами понимаете – нелепо оставлять квартиру нараспашку, если исчезаешь на неделю.

– Понимаю, – машинально ответил следователь. Он все больше утрачивал свой апломб и все внимательней слушал Татьяну.

– Отлично, – уже совсем уверенно произнесла она. – А теперь пара фактов. Мой любовник имел ключи от моей квартиры.

Она чеканила слово «мой».

– Я дала ему ключи, поскольку иногда он мог явиться сюда, на свидание, чуть раньше, чем я вырвусь с работы.

«И потому, что верила ему, хотела создать семью. Он сказал, что с женой все кончено!»

– Сами понимаете, я не хотела, чтобы он торчал под окнами в машине.

– Так у него...

– У моего любовника? – Резко обернулась женщина. – Давайте уж не будем церемониться. В моей квартире труп, и я хочу, чтобы все было предельно ясно. У него были ключи. Вот его визитка.

Визитку – ту самую, которую он преподнес ей в первый день знакомства, женщина отдала без малейших колебаний.

– Тут его полное имя, телефон, должность, адрес фирмы.

«Вот тебе! Получай!»

– Еще один факт, – она с трудом перевела дыхание. – У него была любовница. Еще одна, кроме меня.

«И ты получишь по заслугам, соплячка!»

– И он сделал дубликаты ключей для нее. Когда я была в командировках, Дима с ней встречался тут. Кое-что проясняется?!

«Сволочи. Ненавижу вас!»

– То, что дубликаты были, я поняла сегодня вечером. Дело в том... – Ее глаза горели яростным, лихорадочным огнем. – Что эта девица...

«Надо было выразиться вежливее, а то они подумают, я что-то против нее имею!»

– Она ворвалась в мою квартиру с ключами в руках. Они в комнате. Я вам отдам.

Мужчины молчали. Было видно, что их ошеломило данное расположение сил, как даже самого опытного шахматиста может сбить с толку поведение соперника. Татьяна сдавала им всю свою личную жизнь, не моргнув глазом. Она была вне себя.

– Другие ключи остались у него, – продолжала она. – Собственно, плевать. Я все равно поменяю замки, после того как мне подкинули труп. А то завтра будет еще два!

«Возьми себя в руки!»

– Так вот, – уже спокойнее продолжала она, – убить моего соседа мог кто-то из них. И перенести труп ко мне – тоже. Я не помню – понимаете – не помню, открыла ли я ему дверь,

когда он явился на свидание! Или не запирала, по привычке? Или заперла, а он сам открыл? Уже после того, как по каким-то своим личным причинам убил моего соседа и притащил его ко мне? Я ведь после работы... Он мог тут побывать, а потом изобразить, будто пришел впервые за вечер. Я ведь в кухню не входила! Ничего не помню, а вот что в кухню не входила... За это ручаюсь. А может, та девица, пока мы с ним были в постели, все и провернула? Я бы и не услышала! Разве я знаю?!

– Ну, вы уж... – начал было следователь, но женщина его оборвала. Ей уже было море по колено.

– Кто тут расследует – вы или я?! Они могли это сделать! У обоих были ключи от тамбура, от моей квартиры, оба меня ненавидели! Он – потому, что у него, кроме меня, была она! И еще – он был мне должен крупную сумму! Почему бы не подставить кредитора?! – Татьяна яростно обвела взглядом слушателей. Те онемели. – А она – она могла знать, что он ее обманывает! Может, они разыграли комедию? Да в конце-концов, комедия и есть!

И тут она не совладала с собой и разрыдалась, уронив руки на стол и спрятав в ладонях лицо.

Эта ночь была длинной. Длиннее всех ночей в ее жизни. И когда уже перед рассветом Татьяна поднялась со стула, когда из ее квартиры исчезли посторонние, она ошеломленно осмотрелась по сторонам... И впервые задала себе вопрос: «А может, лучше бы папаша прикончил меня в тот раз, приложив головой о чугунную плиту, которую мы топили ворованными с лесоповала дровами? Кругом-то жили одни зеки. Стесняться перед ними не приходилось».

Звонок

– О, Боже мой, – женщина, называющая себя по телефону «Галиной», энергично растерла виски. – Как болит голова! Ну, в бой!

И сняла трубку.

– Мне не с кем поговорить.

Этот безликий, бесполой голос был ей уже знаком. Этот человек звонил около полуночи. До или после? Она не помнила. Но голос звучал точно так же – будто его обладатель сознательно стер из него все приметы. Галина бесшумно вздохнула: «Еще один постоянный клиент навязался». Таких было немало – алкоголики, психически неуравновешенные люди, одинокие женщины и мужчины... И еще вот этот. Или эта? Хуже не бывает – такие стараются стать членом твоей семьи. А вот этого и не хотелось бы. По работе полагается быть с ними милыми, вежливыми, краткими. Помочь. А они садятся тебе на шею.

«Мне и днем, когда отсыпаюсь, снятся звонки. И я во сне говорю с клиентами. А этот голос точно приснится. Не нравится он мне».

– Я слушаю, – ласково сказала Галина. – Вы уже не одиноки. Я здесь, с вами.

– Скажите, – еле слышно произнес голос, – вы действительно меня слушаете?

– Да, – ответила Галина. – Разумеется, слушаю, и очень внимательно.

– А я вас – нет, – с внезапной жесткостью ответили ей, и психологу на телефоне доверия, человеку битому-колоченному всеми проблемами ночной Москвы, вдруг стало по-настоящему страшно. – Нечего тут слушать. Некого. Все – ложь. Вы сами-то, когда сидите там, в теплой комнатке, перед телевизором с отключенным звуком, и изображаете перед нами Божью Матерь, понимаете, что совершаете преступление?! Не это нужно. Нужен человек. А человека там нет. Нигде его нет.

– Постойте, – заволновалась Галина, – давайте поговорим!

– С кем?! – презрительно ответили ей. И после паузы добавили: – В самом деле, что я вас мучаю? Смотрите телевизор. Живите, как знаете. Я сейчас покончу с собой.

– Постойте! – крикнула женщина, но трубку уже повесили. В этот миг она ненавидела свою работу.

Глава 2

– В самом деле, не заперто! – пробормотал помощник следователя, нажав дверную ручку. – Так мы входим?

– Идем.

В темном коридоре их встретил истошный вой. Группа отшатнулась, но тут же поняла, в чем таится опасность. Навстречу незванным гостям вышла тайская кошка. Или кот – пола никто определить не успел. Вой становился все агрессивнее. Видимо, он и разбудил обитателей квартиры, так как в коридор вслед за кошкой выскочила девочка лет двенадцати, в яркой пижаме, и потрясенно замерла, глядя на четырех мужчин, вломившихся в ее маленький мир.

– Мама! – закричала она.

Кошка тоже подала голос. И на зов из спальни выбежала женщина в длинной ночной рубашке, отороченной кружевами. Спросонья запахивая грудь, она уставилась на ночных посетителей.

– Простите, – сказал следователь. Ему было крайне неловко перед этой маленькой семьей. – Тут чрезвычайные обстоятельства...

– Что?!

Мать прижала к груди девочку. Та спрятала лицо у нее на плече, будто считала, что это самая надежная защита от ночного взлома. Женщина жестко смотрела на следователя, и в ее взгляде, уже далеко не сонном, не было и тени страха. Она решила обороняться. А кошка (или кот) встала в боевую позицию. Ее спина выгнулась горбом, лапы скрючились и напряглись, а вой перешел в жуткий, низкий стон. Мужчины поежились. Многие припомнили страшные истории о необузданном нраве кошек этой породы.

– Вы кто такие? – резко спросила женщина.

– Это милиция. У вас в соседней квартире убили человека.

– Что?!

– Это милиция, – повторил следователь, опасливо глядя на кошку, которая подкрадывалась к нему на полусогнутых лапах. И явно – с недобрыми намерениями.

– Милиция? А документы есть?

После того как ей предъявили удостоверения, хозяйка квартиры стала чуть мягче. Она слегка улыбнулась, отстранила дочку и, будто впервые обнаружив, что из одежды на ней только ночная рубашка, смутилась.

– Я накину халат.

– Ну конечно, – следователь все косился на кошку, которая обнюхивала его брюки. – Она не...

– Это он, – подала голос девочка. – Наш Пусик. Он добрый!

– Сразу видно. – Следователь убрал ногу от мокрого черного носа. – С таким и квартиру запирать не нужно.

– А мы никогда не запираем! – сообщила девочка, вконец освоившись. – Тут никто не запирает.

– В самом деле, – это вернулась мать, завязывая пояс малинового бархатного халата. – Тут никто не запирает дверей. Все друг другу доверяют. Так о чем вы? Я спросонья не поняла.

– Мы ездили за город, – вмешалась дочь. – Так устали! Рано легли...

– Света, – одернула ее родительница, – когда взрослые говорят, дети молчат.

– Извините... – Девочка наклонилась и подхватила с пола кота, который всерьез нацелился пометить брюки следователя.

– И вообще, иди к себе, – вдруг заледеневшим тоном произнесла мать. – Завтра в школу.

– Да, мама. Но...

– Никаких «но»!

– Да, мама!

И девочка мгновенно исчезла. Женщина растерла ладонями лицо, щедро смазанное жирным ночным кремом и внимательней взглянула на визитеров:

– Теперь я пришла в себя. Вы сказали – кого-то убили в тамбуре?

– Вашего соседа.

– Кого?! – Ошеломленно взглянула на них женщина. – Молодого или...

– Нет, он в возрасте.

– Алексея Михайловича?! – с той же недоуменной интонацией произнесла она. – За что?!

– Ну, это будем выяснять.

– Не могу поверить... – Она расширила светло-серые глаза. Следователь машинально отметил, что женщина красива. Даже учитывая, что ее подняли с постели среди ночи без макияжа и с растрепанными волосами. – Его ограбили?

– Пока неизвестно.

– Но как... Как он умер? – Она тревожно подалась вперед. – Убили? А мы спали и ничего не слышали! И дверей тут не запирают! Ведь могли бы и нас со Светкой...

– Удар в голову, – кратко ответил следователь, а женщина заметно содрогнулась. – Пробыли висок.

– Это ужасно, – после короткой паузы сказала она. – За что? Не могу понять. Такой милый человек... Был.

– Вы ничего не слышали?

– Вообще ничего. Мы с дочкой ездили за город, к знакомым, – она зябко куталась в халат, взгляд возбужденно метался. – Нелепая поездка. Приехали – а их дома нет. Постояли у ворот, потом обратно, опять на электричке. Спасибо, кот спокойный. Мы его брали с собой. Боже мой! За что его?!

– Когда вы вернулись?

– Не могу припомнить. Около полуночи. – Женщина метнула взгляд на часы, висевшие на стене. – Даже, скорее, позже.

– Но ваша дочка сказала, что вы рано легли спать!

Женщина скривила губы:

– Вы знаете, что такое «рано» для подростка?

Она ложится в два-три ночи, а потом в школу не поднимешь.

– И вы ничего не слышали?

– Я уже сообщила сто раз, что ничего. – Хозяйка квартиры начинала раздражаться. – Вы сказали, что его убили ударом в висок. Это был выстрел?

– Нет.

– Так что мы могли слышать?

– Вы знакомы с женщиной, которая живет в вашем тамбуре? С Татьяной?

– Простите? – Та прикусила губу. – Еще кто-то погиб?

– Ее зовут Татьяна, – настойчиво повторял следователь. – Шатенка, темно-зеленые глаза, лет тридцати...

– А! – Она отмахнулась, как от назойливой мухи. – Это которая недавно переехала!

– Она говорит, что год назад.

– Ну, для тех, кто тут живет с детства, это недавно. Мы не знакомы, – женщина приняла независимый, суровый вид. – Здоровались, правда, но не общались.

– Что вы можете о ней сказать?

– Да ничего. Тихая. Никаких неприятностей.

– И это все? А кто к ней ходил? Она общалась с Алексеем Михайловичем?

– Не могу сказать. Прежде, когда тут жили свои, – женщина с грустью произнесла последнее слово, – мы все друг о друге знали. А теперь... Она... Вы говорите – Татьяна? Ни с кем не общается. Купила квартиру после смерти Нины Павловны. Это была очень милая женщина. И еще недавно умер сосед, все досталось племяннику. Он тут живет, а я даже не знаю его имени.

– Это следующая квартира?

– Да, за стеной. А что? – Женщина подняла руку к усталым, покрасневшим глазам и безнадежно произнесла: – А мне с утра на работу...

– Простите.

– Ну что уж... Раз такое дело... И за что? Почему? Замечательный был человек!

В запертой комнате послышалось шевеление. Оттуда выглянула девочка, прижимавшая к груди кота:

– Мама!

– Спи!

– Скажи им, что мы слышали...

– Спи, тебе говорят! – С внезапной яростью обернулась к ней мать. Следовательно насторожился. – Ничего ты не слышала!

– Это о чем ты, деточка? – ласково спросил следователь. – Что вы слышали?

Женщина с искаженным лицом обернулась к дочери:

– Ты ляжешь, или мне тебе помочь? Когда взрослые говорят...

– Мама! За стеной был какой-то шум, мы же слышали! Вечером, еще до того как мы...

– Молчать! – Этот крик резко отразился от стен прихожей, и девочка разом подалась назад. Кот вцепился когтями ей в грудь, и Светлана вскрикнула.

– Иди спать!

... – Постойте... – попробовал возразить следователь, но женщина и его оборвала:

– С меня хватит того, что убили Алексея Михайловича. Вы в курсе, кто такой был Боровин? Иди спать! – ее крик прозвучал еще более истерично. Девочка мгновенно исчезла в комнате и захлопнула за собою дверь.

– Боровин – один из самых лучших в Москве преподавателей итальянского языка, – женщина раздувала тонкие, четко вырезанные ноздри, отчего становилась похожей на дикое животное кошачьей породы. На рысь или пантеру. – Его ученики платили немалые деньги. У него были связи по всему миру!

– Так что вы слышали вечером? – Следователь упорно стоял на своем, хотя и принял к сведению эти показания. – Ваша дочь...

– Она – ребенок! – рявкнула женщина. – Оставьте ее в покое! Я, во всяком случае, ничего не слышала! Мы были за городом, потом вернулись и легли спать. Боровин... Немыслимо! Именно он когда-то, принимая учеников, ввел этот обычай – не запирает дверь. У него побаливали ноги, и каждый раз ходить, отпирать, для него было трудно. За ним и все другие это переняли. Первой – Нина Павловна. Она работала на него, печатала научные работы и переводы. Женщина старого закала... Машинистка – от Бога. Выдавала громадные объемы за пару часов. Работала день и ночь – только позови. Умерла от рака. Сигареты изо рта не вынимала. И конечно, когда Боровин перестал запирает дверь, она тоже стала так поступать. Он ведь постоянно нуждался в ее услугах. Она ушла недавно... – Женщина употребила это деликатное выражение, будто отдавая последний долг усопшей.

– Третья квартира – ваша?

– Ну, разумеется, – та вскинула голову. – Я тут родилась, надеюсь, что и умру здесь. А четвертая... Ну, там сейчас живет молодой человек. Без определенных занятий. Мне до него дела нет.

Она внезапно сжала ладонями виски:

– Господи! Получается, что из прежних жильцов осталась я одна! Сперва умерла Нина Павловна. В квартире поселилась... Татьяна, вы сказали? Потом умер этот пожилой инженер... Имени не припомню, мало общались. Отчего умер? Тоже не помню... Не помню! – Ее голос начинал срываться. – Снова вместо него новый жилец – племянник. И вот вам – Боровин! Да как нехорошо умер! И вот мы со Светкой остались одни...

И произошло то, о чем никто и помыслить не мог – с этой сухой, сдержанной женщиной случился нервный припадок. Она рухнула на пол и, впиваясь ногтями в паркет, завывала:

– Не могу больше!

Следователь покинул квартиру, легким движением головы дав знак своим подчиненным идти за ним. Если с женщиной истерика – ей лучше не мешать. Они постучались в следующую дверь. Ту самую, где жил молодой парень, который, возможно, тоже мог что-то видеть и слышать.

Дверь была приоткрыта.

Звонок

– Ну кто еще там? – пробормотала Галина, натягивая пальто. Она хотела сбегать в ночной киоск за сигаретами. Это и заняло бы всего минут десять... Однако не снять трубку – значило лишиться работы. Иногда звонило начальство – для проверки. Вслепую застегиваясь (многие пуговицы болтались на ниточках, а времени пришить их не было), она обреченно ответила:

– Да?

– Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым...
Любовь вдвоем на гибель нас вела...

Голос звучал, будто из могилы, и Галина его узнала. Это было слишком. Такого (такую) скоро не отшвырнешь. А для милосердия у нее уже не осталось сил.

– Данте хотел описать ад, – прошептал голос, – а описал рай. Любовь... Кого бы ни любить, только бы любить! И я люблю. Все еще люблю.

– Простите?

– Да я вас прощаю. Интересно, простит ли меня Бог?

«Это тот, кто хотел покончить с собой. Или та? Однако же не покончил. Предпочел (или предпочла) доставать меня».

– Это цитата из пятой песни «Ада», – любезно сообщил голос. – О сладострастниках. Вам это о чем-то говорит?

– Боюсь, что нет. – Галина раздраженно принялась стаскивать пальто, ей стало жарко.

– На досуге прочитайте.

– Я постараюсь.

«Какой там досуг? Белье нестирано третий месяц! И я вообще не помню, когда готовила нормальный ужин! А муж? Вообще со мной не говорит. А дочь? С нею что-то творится. Проблемы роста. Мне впору самой звонить на телефон доверия. И еще – кто погуляет с собакой?!»

– А вот еще цитата, – продолжал голос. – Вы можете воспринимать это, как завещание. Песнь тринадцатая.

«Когда так часто звонят и говорят о самоубийстве, это значит, что самоубийства не будет».

– И тот из вас, кто выйдет к свету дня,

Пусть честь мою излечит от навета,
Которым зависть ранила меня!

– Это и есть завешание, – слабо повторил бесполой голос. – Я понимаю, что бросаю его в пустоту. Я для вас никто. И вы для меня – тоже. В песне тринадцатой говорится о самоубийстве. О вынужденном самоубийстве.

– Вас кто-то вынуждает покончить с собой? – Галина присела в кресло, покусывая палец. Эта нервная реакция всегда появлялась у нее в минуты сильного волнения.

– А вот еще цитата, – игнорируя вопрос, заметил голос. – Из песни пятнадцатой. Послушайте. Это интересно. Интересней, чем вы думаете:

Во мне живет и горек мне сейчас
Ваш отчий образ, милый и сердечный,
Того, кто наставлял меня не раз...

– Он был для меня всем, – после паузы сказал голос. – Учителем, другом, отцом... Любимиком.

– Кто – он?! – В эти рассветные часы Галину всегда клонило в сон, но теперь женщина чувствовала себя так, будто проглотила чашку крепкого кофе. О своих неприятностях она забыла. Галина всегда умела от них отрешиться, когда чуяла настоящую беду. Это и принесло ей популярность среди голосов, которые наводняли по ночам телефонную трубку. Тот, кто звонит в такое время, всегда чувствует – говорят ли с ним по обязанности или из сострадания.

– Он для меня был тем, чем Брунетто Латини был для молодого Данте. Он был всем. Пусть будет стыдно тому, кто подумает о нем дурно, – без выражения сказал голос. А Галина отлично знала – когда из голоса звонящего стирается выражение – дело серьезное. Тот, кому по-настоящему больно, старается казаться равнодушным. – Когда мы встретимся в аду, я упаду перед ним на колени и поцелую руку. И если мне предложат рай и скажут, что его в нем не будет, я выберу ад. Но...

В трубке послышался тихий, ледяной смешок.

– Но я уверен, что мы сойдем на одной станции. И вот что я еще хотел сказать... Я ведь не пытаюсь оправдаться. Я лишь хочу рассказать, как все было. Можете считать, что я даю показания.

«Я говорю с сумасшедшим, – думала Галина, спешно припоминая методики, которыми пользовалась в таких экстренных случаях. – И он в самом деле, что-то совершил. Или думает, что совершил».

– Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с ложного следа.

«Я сейчас сама рехнусь!»

– Надеюсь, – с внезапным ехидством произнес голос, только что с выражением читавший стихи, – мне не придется цитировать еще и начало «Божественной комедии»? Мне всегда казалось странным то, что Данте сразу заявил, что он «земную жизнь прошел до половины». Откуда он мог знать, когда умрет? Я-то, например, знаю. Я умру сейчас.

И Галина, с трудом удерживая трубку – рука тряслась, услышала, что ее собеседник двадцать минут назад перерезал себе вены и надеется, что скоро умрет. От всей своей погубленной души надеется. На полу уже большая лужа крови. Пальцы не слушаются, нож выпал. А ей – спасибо за теплый разговор. И удачи!

– Пойдите! – крикнула она. Рванулась, и трубка упала на пол. Когда женщина прижала ее к уху, там раздавались ровные длинные гудки.

«Это правда! Все было правдой! Все эти три разговора не были блефом! Сейчас он умрет!»

Галина заметалась по комнате, натываясь на казенную мебель. Ее было немного. Стол, где лежит дежурный журнал, стоит телефон и чашка чая (из пакетика). Два стула. Диванчик. Вешалка, с которой она несколько минут назад сняла пальто. Тумбочка с телевизором. Пустая клетка, подвешенная к гардине. Когда-то в ней жил попугай Гоша, но он сдох. Наверное, потому, что был ничьим – его принес кто-то из психологов «на время», потому что дома шел ремонт. А потом уволился, бросив птицу на произвол судьбы. Попугай затосковал, хотя его регулярно и правильно кормили, чистили клетку... Сперва он перестал произносить дурацкую фразу – единственную, которую знал: «Да здравствует Французская революция!» Потом отказался от еды, стал вялым и неряшливым, перестал чистить перышки и полоскаться в ванночке. Затем умер. Галине «повезло» – это она обнаружила его сине-зеленый трупик на полу клетки. И тогда подумала, что, собственно говоря, птица погибла от того же, от чего погибают люди, которые звонят по ночам. Ведь каждому живому существу нужен кто-то, кто будет его любить...

– «Любовь, любить велящая любимым...». Данте! С ума можно сойти! – Галина остановилась посреди комнаты и огляделась по сторонам, будто не узнавая обстановки. – «Он» или «она» – убили кого-то? Не помню всего, что он сказал. Так... Поспокойней. Сладострастие – это было? Да. Потом – самоубийство. Вынужденное самоубийство. Что он там еще говорил о зависти? Почему я все время повторяю «он»? Это могла быть «она». А затем – «он» или «она» говорили о чем-то, чего я до конца не поняла. Какая-то любовная и преступная связь. Помню слово «учитель». А что «он» или «она» говорили потом? «Не помню сам, как я вошел туда, настолько сон меня опутал ложью...».

Она рванула спутанные пряди волос.

– Туда – это куда? Этой ночью кого-то убили, – размеренно сказала женщина, называвшая себя по телефону «Галиной». – И этой же ночью кто-то покончил с собой.

И подняв лицо к пустой клетке, висящей на гардине, добавила:

– Собственно говоря, эта ночь ничем не отличается от других!

Глава 2

(продолжение)

– Кто дома?

Ответом было молчание. Квартира была темна, и в ней отчетливо пахло табачным дымом. Больше никаких признаков жизни не наблюдалось. Группа вошла в прихожую.

– Извините, – чуть повысил голос следователь, – тут кто-нибудь есть?

– Соседка говорила, что тут живет молодой парень, – подал голос тот, кто держал видеокамеру.

– Помню, – раздраженно откликнулся следователь. Предчувствие редко его обманывало, и в этом случае сообщало – дело будет нелегким. Убили человека в тамбуре, где никто из обитателей четырех квартир не запирает дверей. Человек одинок. Обеспечен. Имел много контактов. Его соседка – машинистка, помогавшая ему в работе, также умерла, ее квартиру купила Татьяна, которая и нашла у себя труп. Но почему тело оказалось у нее на кухне? Мать и дочь – и тут «не без блох», привычно выразился про себя следователь. Девочка что-то хотела сообщить, мать ее обрывала. Девочка что-то слышала, мать категорически говорила, что ничего. А потом с нею была истерика. И вот – квартира, доставшаяся по наследству молодому человеку, племяннику некоего инженера. И дверь тоже не заперта. Более того – приоткрыта.

– Есть кто-нибудь?

– Там... – произнес кто-то из членов группы, указывая в темноту квартиры. – Я сейчас услышал.

Теперь услышал и следователь: в глубине квартиры раздался долгий, тяжелый вздох. Как будто некто пытался набрать полную грудь воздуха и не мог.

Группа бросилась на звук. Он исходил из ванной, дверь в которую также была приоткрыта. Когда они нашарили выключатель и зажегся свет, первым, что увидели, был парень, стоящий на коленях перед бортиком ванны и опустивший туда руки. Голова безвольно свешивалась вниз, к воде. В маленьком помещении застоялся горячий пар. На полу, рядом с парнем, валялся мобильный телефон, залитый кровью. Пятна крови были и на светлом кафельном полу, и на твидовом костюме парня, и на стенах. Под раковиной стояла полупустая бутылка коньяка.

– Эй! – крикнул следователь и бросился к парню. – Черт!

Ничего хуже и быть не могло. Два дела!

В первый миг, когда они сняли тело с бортика ванны и положили на пол, ему почудилось, что хозяин квартиры мертв. Это правильное, оцепеневшее, очень бледное лицо, чуть приоткрытые глаза, безвольно упавшие на пол окровавленные руки... Через минуту удалось уловить признаки жизни.

– Он дышит, – сказал помощник следователя, вставая с колен. – Срочно «скорую»!

– И пьян, как свинья, – заметил тот, кто держал видеокамеру. – Вон бутылка. А коньяк-то французский!

– Держись от него подальше, – бросил следователь. – Знаю я вас.

– Когда это я допивал за покойником? – обиделся тот.

– Было дело. А если отравлено?

Такой случай в его практике был – несколько лет назад. В квартире обнаружили труп мужчины, а на кухне, на столе, стояла бутылка дорогого вина. Чуть пригубленная. И молодой практикант, еще не привыкший к зрелищу смерти, в нервах выпил стаканчик. И через пол-

часа был в коме, а через два часа – скончался в больнице. Вино и было причиной смерти владельца квартиры. Отравили дальние родственники, которые не известно на что рассчитывали, поскольку их арестовали в тот же день.

– Эй, приятель, – следователь снова встал на колени и сильно отхлестал парня по щекам. – Открой глаза как следует. Скажи – ты слышишь меня?

– Да что он может слышать, – заметил помощник, который в это время перетягивал парню руки чуть ниже локтей. Для этой цели он использовал разорванное надвое тонкое полотенце. Особенной необходимости в этом не было – темная густая кровь уже почти перестала сочиться.

– «Скорую» вызвали?

– Сейчас тут будут.

– Одно к одному, – следователь встал и отряхнул брюки. – Так, посмотрим – записка есть?

– Самоубийство, конечно, – согласились все и отправились искать записку. Как правило, такого рода документы оставляют на видном месте – кладут на стол, прикрепляют магнитиком на холодильник, но в этот раз им не повезло. Записки не оказалось.

– Да не убийство же? – Следователь снова подошел к парню и отметил легкое движение ресниц. Они были такими густыми и длинными, что казалось – обескровленный человек просто не в силах был их поднять.

«Красивый. И совсем еще мальчишка. Что ему в голову ударило? Одет странно – костюм... Будто на работу собрался. Галстук – вон... Придется ради такого случая. Вот чего таким не хватает? – с внезапным раздражением подумал следователь. – Эта Татьяна говорила, что он квартиру получил по наследству. Квартира – отличная. Моя втрое хуже. Одет как принц Чарльз. Внешность – хоть в кино снимайся. И в деньгах не нуждался – вон коньячок-то какой! И нате вам – порезался! Причем серьезно. Это не царапинки. Его счастье, что кровь свернулась».

Он опустил кончики пальцев в воду и отметил, что вода еще не успела полностью остыть. Но кровотечение могла остановить только ледяная вода.

«Возможно, его поза спасла? Перекинул руки через борт и пережал вены? Сознание потерял, а тем временем вода остыла. Дурак! Ненавижу самоубийц! Что ему не жилось! Так, на полу лежал телефон...»

– Он кому-то звонил перед этим, – сказал следователь, осторожно разглядывая трубку. – Дайте-ка пакет. Пробьем, с кем разговаривал.

– Да девчонке звонил, кому еще!

– Конечно – бросила или изменила. Вот и порезался.

– А может, парнишке звонил? – усмехаясь, бросил мужчина с видеокамерой. – Вы на него посмотрите, на красавчика! У него же ресницы накрашены!

– Вовсе нет, – не согласился следователь, упаковывая трубку в пакет. – Я смотрел близко – такие Бог дал.

– А все равно, что-то в нем не то.

«Коньяк тоже надо упаковать, – машинально думал он. – Если бы случай простой, то и улик не нужно. Больница, «дурка», наркодиспансер, а потом пусть родные разбираются. Не наше дело. Но рядом – убийство. И труп непонятно как к соседке попал. И все в одну ночь! Тут что-то не то! Лишь бы парень выжил!»

И тут неудачливый самоубийца открыл глаза. Взгляд беспомощно заметался, скользя по лицам, склонившимся над ним, губы дрогнули.

– Сейчас вам помогут, – пообещал следователь. – Держитесь.

– Что с ним? – еле выговорил парень.

– С кем?

– С Алексеем Михайловичем... С Боровиным... – было видно, что парень делает попытку приподнять голову, но у него ничего не выходит. Следователь пригнулся – голос был едва различим.

– С Боровиным? – повторил он, ловя пустой, бессмысленный взгляд. – С вашим соседом? А что с ним может быть?

Парень смотрел на него остекленевшими глазами.

– Что с ним может быть?!

– Не знаю, – будто в недоумении прошептал тот. – У меня все как-то перепуталось в голове. Кажется, я напился.

– Да уж, – сквозь зубы бросил кто-то, но следователь остановил его резким жестом:

– Ну, что вы трезвы, этого я сказать не могу, – он заставил себя улыбаться. По опыту мужчина знал, что в такие пиковые моменты на людей лучше всего действует доброта. – Полбутылки французского коньяка!

– Коньяк? – Самоубийца чуть прикрыл глаза, и показалось, что он опять потеряет сознание. Однако он справился с собой. – Откуда у меня коньяк?

– Вам лучше знать, – все так же мягко продолжал следователь, попутно прикидывая – как лучше перевести разговор на смерть Бородина? Парень явно что-то знал, сразу о нем спросил, это свидетель! «Где эта чертова «скорая»? Пацан едва жив!»

– Коньяк... – пробормотал тот, глядя в потолок. – Я не пью.

– Оно и видно, – глухо сказал мужчина с видеокамерой. – Полбутылки одолел!

– Как вас зовут? – Следователь говорил доверительно и нежно, с тревогой замечая, как все больше разрастаются тени под глазами у этого молодого человека. «Он должен выжить, он мне нужен! Не мучить бы его сейчас, но если... Если это конец, и врачи не помогут? Вытянуть все, что можно, не дать ему потерять сознание!»

– Даня, – потусторонним голосом выговорил тот.

– Как?

– Даня, Даниил. – Парень устало опустил ресницы. – Мне плохо.

– Вам помогут, Да... – Следователь хотел обратиться по имени, но оборвал себя. Называть его Даней – слишком фамильярно. Даниилом – длинно и вычурно. – А как ваша фамилия?

– Исаев, – тот слабо улыбнулся. Даже не верилось, что эти белые, оцепеневшие губы еще способны на улыбку. – Зачем вам знать?

– Это ваша квартира?

– После дяди... досталась.

– Сегодня вечером, – следователь заговорил почти жестко, – вы видели, слышали что-нибудь подозрительное?

Даня пристально взглянул на него, в этот миг у него был такой вид, будто он изо всех сил пытается что-то припомнить.

– Сегодня вечером... Я помню, что вышел на улицу и замерз. Зачем вышел? – Он наморщил лоб. – Не помню. Что-то мне было нужно, очень нужно. Потом... Не помню.

– Вы встретили кого-нибудь из соседей по тамбуру?

– Кажется, никого.

– Вы никогда не запираете двери в квартиру?

Даня снова попытался изобразить улыбку. Как ни странно, он приходил в себя. То ли порезы на запястьях в самом деле оказались неглубокими, то ли вода в ванне – не слишком горячей, то ли его спас молодой организм, быстро свернувшаяся кровь... Только он посмотрел на следователя совсем ясным взглядом, и тот слегка вздрогнул: «А не ломает ли господин Исаев комедию? Типа, «ничего не помню, все в тумане, кончик стерся?» Плюс – напился. Удобненько! Труп-то в тамбуре, как ни поверни, а этот – пьян в дымину и руки порезал. Какие выводы?»

Но выводов ему сделать не дали – Даня прямо заявил, что квартиру в самом деле не запирает и никаких соседей этим вечером он точно не видел.

– А почему вы сразу спросили у меня про Боровина?

– Про Боровина? Странно! – Даня продолжал прямо смотреть на того, кто его допрашивал. – Пять минут назад все было как в тумане. Я спрашивал про Алексея Михайловича?

«Гадюка! – в ярости подумал следователь. – А я рассчитывал... В несознанку пошел?!»

– Когда вы, Даниил, – любезно проговорил он, – пришли в себя, то первым делом спросили, что случилось с вашим соседом. С Алексеем Михайловичем Боровиным.

– Так-так-так, – Даня сел и привалился виском к стене, измазанной его собственной кровью. На кровь он, впрочем, никакого внимания не обратил. Вряд ли он даже замечал, сколько народу столпилось вокруг него. Парень напряженно размышлял о чем-то.

– Полгода назад, – внезапно заявил он с такой интонацией, как будто фраза объясняла все.

– Что?!

– Полгода назад я поселился тут. Умер мой дядя. Я и не ждал наследства, он был не старый... Сердце подвело. Алексей Михайлович жил в этом тамбуре. – Даня говорил как сомнамбула, едва шевеля языком. – Я узнал, что он дает уроки итальянского. Никогда и не думал, что у меня пойдет...

– Что?! – повторил следователь, жадно ловя каждое слово. Группа притихла и тоже слушала.

– Язык, – пояснил Даня. – Он говорил – у меня способности. А почему я вдруг решил с ним заниматься?

Он нахмурил высокий, чистый лоб, прикрытый спутанными темными волосами:

– Не помню. Он сам предложил? Вряд ли. Он был такой скромный, разве стал бы навязываться... Значит, я к нему зашел? Почему? Никогда не хотел изучать итальянский. Да и поздно, в двадцать лет...

Он помолчал немного и вынес вердикт:

– Я сам к нему зашел. Иначе быть не могло. Понимаете, дядя, кроме квартиры, оставил мне еще и счет в банке. Я как-то оторопел... В сущности, сумма не слишком велика, но получить что-то даром... У меня руки опустились.

И Даня с каким-то презрением взглянул на свои перебинтованные и перетянутые руки, будто отрекался от них.

– Я сперва думал – можно что-нибудь купить.

Но как-то не понимал, чего хочу. А потом... Да, теперь вспоминаю! Я решил чему-то научиться. Да хоть итальянскому. А в принципе, никому ведь это было не нужно?

Он как будто прислушался к своему внутреннему голосу и кивнул:

– Никому. Ну а вообще ничего не делать – тоже тоска. И наверное, я решил зайти к Алексею Михайловичу.

– Этим вечером вы его видели?

– Я ведь уже сказал – никого не видел.

– Почему же вы сразу спросили о нем?

– И этого не помню. Я сейчас так странно себя чувствую...

И он снова осмотрел свои руки. Лицо оставалось бледным, но по выражению глаз становилось ясно – Даня вне опасности. «А «скорая» запаздывает! – подумал следователь. – Если бы случай посложнее – парень был бы мертв!»

– А это что? – спросил Даня, продолжая рассматривать наспех, кое-как перебинтованные запястья.

– Вы этого не помните?

– Чего? Болит... – Даня неверными, непослушными пальцами взялся за окровавленные тряпки, но следователь его резко остановил:

– Нельзя!

– А что случилось? – Парень смотрел на него расширенными, невероятно синими глазами. – Почему я тут сижу? И так жарко, душно! И кровь...

Он будто впервые обнаружил пятна на кафеле и на своем костюме.

– Вы не помните, как это сделали?

– А что?

– Да вены перерезали! – выйдя из себя крикнул следователь. Даня в испуге отшатнулся, скривив губы, как ребенок, который собирается заплакать. – Уж это вы помните?!

– Это сделал я?! – изумленно переспросил парень. Он почти шептал. – А зачем?

– Это мы у вас хотели спросить! – Следователь едва взял себя в руки. Свидетель то ли ломал комедию, то ли в самом деле, потерял большую часть воспоминаний.

– А я... Не понимаю, что вы тут делаете? – вдруг резко, почти агрессивно воскликнул Даня, снова стараясь встать. На этот раз удалось – он прислонился к стене, пошатываясь и нащаривая перевязанной рукой какую-нибудь опору. Нашлась вешалка для полотенец, и парень в нее вцепился, раскачиваясь и с трудом удерживаясь на ногах. Полотенца посыпались на пол, но никто не обратил на это внимания.

– Мы тут расследуем убийство, – объяснил ему мужчина с видеокамерой, который смотрел на него с большим интересом. – Убили вашего соседа, Боровина.

– А, чтоб тебя!.. – начал было следователь, но поправлять ошибку было поздно. Даня посмотрел на них так, будто впервые видел, слабо вцепился руками в вешалку... И снова упал в обморок.

Машина пришла через несколько минут. Тело положили на носилки и унесли. Следователь ругался, на чем свет стоит: парень ведь только начал разговаривать – и нате вам, удружили! Квартиру осмотрели заново. В ней был относительный порядок, было заметно, что за чистотой следят. Записки опять же, после более тщательного обыска, не обнаружили. Мобильный телефон и бутылка, которые были найдены рядом с хозяином, отправились на экспертизу.

– Отключились у него мозги или нет, – сказал следователь, запахивая легкое пальто и усаживаясь в машину, – а я хочу с ним разобраться. К чему рядом мобильник? Он кому-то звонил или ему звонили. Но сперва мне нужны отпечатки пальцев. Вот чертова ночь! Намело снегу на полметра! Поехали!

Глава 3

Женщина, которая во время ночных дежурств называла себя Галиной, брела по заснеженному скверу, краем глаза следя за овчаркой, которая с восторгом проваливалась в сугробы вдоль решетки. За решеткой лился поток машин, время от времени образующая пробки. Иногда овчарка становилась передними лапами на верх решетки и с любопытством разглядывала людей, сидевших в машинах. Те ей улыбались – собака была еще молода и очень забавна. Ее наивные и любопытные глаза редко кого оставляли равнодушными.

Обычно женщина отзывала Дерри, но сегодня ей было не до нее. Эта безумная ночь, которая оставила такой тяжелый осадок... И это утреннее возвращение домой, недовольный голос мужа, который спрашивал, отчего ему не выстирали рыжую майку, сколько можно просить? Галина, вопреки всем усвоенным методикам, которые учили жен ладить с мужьями, чуть не рывкнула: «Тебе надо – ты и стирай!» Но каким-то чудом сдержалась. А дочь? Ольга проплелась мимо нее в халате, едва обратив внимание на мать, буркнула что-то и заперлась в ванной комнате. Оттуда послышался шум воды – она принимала душ.

«А я и рук вымыть не успела. И что делать? Оба по-своему правы. Мужчина имеет право на чистое белье. Девочка – на материнское внимание. Но ведь и я тоже имею право на что-то? В конце-концов, на их любовь! И с собакой все отказались погулять. А время-то было! Нет, опять пошла я».

– Дерри! – крикнула она, заметив, что овчарка уж очень активно общается с какой-то крохотной шавкой, подскочившей неведомо откуда. Игры у нее были грубые, солдафонские: хрясь лапой, цоп зубами – вот весело-то! Бедная собачка жалась к земле и уже не знала, как выпутаться из постигшей ее беды.

– Дерри, фу!

Собака неохотно подошла к Юлии – таково было настоящее имя «Галины» и была взята на поводок. После этого настроение у нее резко упало и она начала рваться во все стороны, чуть не вывихивая хозяйке руки. Домой та вернулась вымотанная и мрачная. Муж уже уехал на работу, хотя, по ее расчетам, ему было некуда торопиться. Он приезжал в свой офис к двенадцати. А теперь – половина десятого!

Дочь была дома. Она сидела на кухне, смотрела телевизор, какое-то бодрое утреннее шоу, и пила кофе. Юлия протерла собаку полотенцем, отцепила поводок и наконец-то умылась. Когда она вернулась в кухню, дочь сидела в той же расслабленной позе. Мать расположилась рядом с ней на кухонном диванчике и вытянула уставшие ноги. Дочь упорно смотрела на экран, где, в сущности, ничего интересного не происходило.

– Ты не опоздаешь в школу? – спросила Юлия, раздумывая: закурить-не закурить? Курила она редко, в основном, в минуты сильной усталости. А это была как раз такая минута. Но... Какой пример для дочери?

– Нет, – отрезала та.

– Тебе нужно было выйти полчаса назад.

– Я сама знаю, когда надо выйти.

– Боже мой, – Юлия растерла внезапно занывший висок и все-таки, достала из кармана халата пачку сигарет. Открыв ее, она обнаружила, что сигарет значительно поубавилось со вчерашнего вечера. – Ты курила?

– Почему сразу я! – яростно ответила Оля, и мать с ужасом увидела в ее глазах неприкрытую ненависть. – Сразу я, все я, всегда я!

– Успокойся!

– Успокаивай своих ночных психов, а меня оставь в покое!

– Немедленно прекрати! – рявкнула на нее мать. Наступила тишина. Крики пока еще действовали. Но чем чаще они звучали в доме, тем меньше в нем оставалось тепла и взаимопонимания. Разве стала бы она, разве посмела бы кричать на клиента, который звонит ей среди ночи? А на дочь – можно. Она никому не пожалуется.

– Прости, – немедленно извинилась Юлия, беря дочь за тонкое запястье и ласково пожимая его. – Я страшно устала. Понимаешь? А насчет сигарет... Ты не воспринимай, как нотацию, но я вот, например, очень жалею, что когда-то начала курить. Начать было легко, а бросить оказалось трудно. Сейчас я выкуриваю одну-две в день. Раньше уходила пачка. И все равно, бросить не смогла.

– Зачем ты мне это говоришь? – Наконец, взглянула на нее дочь. Однако голос звучал уже мягче и руки она не отнимала.

– Я люблю тебя, – сказала Юлия. – Я хочу, чтобы ты была счастлива и не тратила свою жизнь на то, чтобы избавиться от привычек, которые тебе мешают. Я не буду тебя пытаться – куришь-не куришь. В конце-концов, ты почти взрослая. Сделай выбор сама.

– Я не курила, – вдруг ответила дочь. – Это отец.

– А почему... Мои? – Юлия сразу поверила и удивилась. Муж предпочитал более крепкий сорт, а ментола вообще не выносил. Чтобы он притронулся к ее заветной пачке!

– Ему кто-то звонил среди ночи, часа в три-четыре. Я не помню точно, потому что была сонная, – девочка все больше волновалась, и теперь мать ясно видела – ту что-то мучает. – А потом сидел на кухне и курил-курил... Всю квартиру прокурил, и так – до рассвета. Наверное, и твои взял. Не знаю. Я не брала!

– Да, милая, да, – Юлия растерянно поглаживала ее руку. – Я тебе верю. Не прикасайся к этой дряни.

– Мама...

Слово было произнесено так серьезно и с такой недетской интонацией, что женщина оторопела.

В этот миг она, как никогда раньше, жалела о своих ночных дежурствах, из-за которых почти не видела семью. «А вдруг что-то случилось, о чем я не знаю! Разве я по ночам не слышу по сто раз одно и то же – девочку посадили на наркотики, муж уходит на сторону, а детей избивает, а то еще и хуже... Как она это сказала!»

– У него есть женщина, – с тем же серьезным, доверительным выражением произнесла Оля.

– Что ты говоришь? – Мать в испуге выпустила хрупкую, полудетскую руку. – У отца?!

«А ведь я знала, чувствовала! Все-таки, была права! Он совершенно перестал обращать на меня внимание! И еще хуже – стал сторониться, как будто я прокаженная! Может, я и сама виновата – не могу сказать, что до сих пор его люблю, как прежде, но... Ведь есть Оля!»

– Послушай, – она с трудом подбирала слова под тяжелым, пристальным взглядом четырнадцатилетней дочери. – Тебе не должно быть до этого дела.

– В самом деле? – В голосе подростка мгновенно прозвучала издевательская нотка. – Почему же?

– Иногда, – еще с большим усилием выговорила Юлия, в этот миг ощущая себя уже и «Галиной», – иногда мужчинам это нужно.

Наступила мертвая тишина, потому что Оля резко выключила телевизор. Она поднялась из-за стола и смотрела на мать таким взглядом, что та всерьез перепугалась.

– Нужно? – повторила девочка. – И ты это так спокойно говоришь?

– Это правда. Это жизнь, Оля. Пусть у тебя будет иначе, а вот у меня – так. Но отец – это отец.

– Хватит пустых слов! – крикнула девочка и вдруг скинула на пол все, что было на столе: сахарницу с печеньем, две чашки из-под кофе, сахарницу, пепельницу... Юлия вскочила:

– Прекрати истерику! И собирайся в школу!

– Не пойду туда!

– Пойдешь!

– Никогда больше, – зарыдала девочка, боком повалившись на диванчик и зажимая лицо ладонями. Юлия стояла над нею в полной растерянности. «Галина» нашлась бы. Она бы знала, что сказать. Но что сказать собственному ребенку, который так явно мучается, страдает, зовет на помощь, а... взаимопонимания так и нет.

– Никогда больше в школу я не пойду! – глухо твердила дочь.

Юлия взяла себя в руки и присела рядом. Внутренне отрегулировав голос, спокойно произнесла:

– И не ходи. Этот день можно и пропустить.

– Что? – Девочка изумленно подняла голову. – Как?

Она явно ожидала нападок и нотаций, но мать улыбалась – уже совершенно искренне. Ей пришла в голову отличная идея.

– Так, – просто ответила она. – Я сама тебя туда не пушу сегодня. У меня есть план. Мы посидим в ресторане, согласна? Я знаю отличное место. Сама, правда, там не бывала, но коллеги рассказывали. Кормят замечательно, а денег у меня хватит. Пошли?

– Прямо сейчас? – прошептала Оля.

– А когда же? Ты хочешь дожидаться, когда я упаду в обморок от усталости? – Юлия продолжала улыбаться. – Так что к программе добавляю такси – туда и обратно. Посидим, покушаем, поболтаем. А приедем – я лягу спать.

Оля стояла перед ней, вытянувшись в струнку. Для своих четырнадцати лет это был довольно рослый, развитой ребенок, почти что маленькая женщина. Но сейчас у нее было такое детское выражение лица, что мать невольно умилилась. «Всем нам хочется, чтобы они подольше оставались несмышленишками и от нашей юбки не отцеплялись. А лучше-то наоборот. Вот эта уже начинает познавать мир. И к сожалению, не с лучшей стороны. Нужно ведь какое-то расслабление? Не школа, что-то другое!»

– Поехали!

– Я сейчас! – Оля бросилась в свою комнату и уже минут через десять вернулась неузнаваемой. Вместо истертого махрового халата – голубая блузка, под цвет глаз, и модные брючки. Сапожки на каблучках – в этом году она впервые стала носить каблук. Девочка даже успела сделать что-то вроде прически, зацепив волосы множеством стразовых заколок. Про себя Юлия называла такие прически безобразными и считала, что молодежь понапрасну уродует себя (ведь у ее дочери были изумительные каштановые косы, а та их самовольно обрезала, оставшись с какими-то жалкими крысиными хвостами). Но сейчас был неподходящий момент для замечаний. Оля и так едва пришла в себя.

– А ты, мам? – спросила девочка, глядя на Юлию и явно еще не веря своему счастью.

– А я поеду так. Все-таки утро!

– Там открыто?

– Это круглосуточный ресторан.

Она только припудрилась и заново накрасила губы. Затем скупно надушилась. Духи подарили ей коллеги по «телефону доверия», на последний день рождения.

«А когда Илья дарил мне духи, я уже не помню».

До ресторана добрались за полчаса. В такси Юлия слегка задремала и очнулась только, когда шофер второй раз сообщил ей, что приехали. Ресторанчик с кавказской кухней располагался возле одной из кольцевых станций метро. Входя туда, Юлия слегка робела – ей нечасто

приходилось есть вне дома. Зарплата мужа была средней, а ее – совсем небольшой. Жили прилично, однако в лишние расходы никогда не пускались. Да еще девочка – нужно ведь и на ее счет что-то положить! Однако, ради дочери, Юлия держалась уверенно, как будто всю жизнь прожигала в подобных заведениях. Оля, напротив, была спокойна и всем довольна.

С утра в маленьком ресторанчике было почти пусто. Им дали лучший столик на двоих – у окна. Юный белокурый официант с улыбкой подал меню в обложке из деревянных пластин. Оля с важным видом развернула его и принялась рассматривать цены. Юлия также первым делом обратила внимание не на блюда, а на цены, и с облегчением поняла, что не промахнулась. Денег у нее хватит. Хоть какой-то праздник! Для себя, вконец измотанной этой ночью, и для дочки, которой эта ночь тоже ничего хорошего не принесла.

– Два шашлыка, – принялась заказывать она. – Из бараньих семенников и из почек. Картошка. Овощи и зелень. Оля, давай возьмем еще один шашлык – из перепелов?

– Ну, мама, – с восхищением смотрела на нее девочка, – ты даешь!

– Значит, еще из перепелов, – обратилась Юлия к официанту, который смотрел на нее с такой симпатией, будто бабушку родную увидел. – Вино красное сухое, какое у вас получше?

– «Тьерра Арена», чилийское, – посоветовал тот.

– Значит, бутылку, – согласилась Юлия. – И «Боржоми». И лепешку. И... И пока все.

Когда официант исчез, прихватив меню, Оля перегнулась через стол и с недоумением спросила:

– Мам, а куда же бутылку? Ты все выпьешь?

– Почему я? И ты попробуешь. От бокала хорошего вина еще никто не заболел. А тебе надо расслабиться. – Она вздохнула и прибавила: – Да и мне тоже.

– Ты очень устаеть, да?

Этот вопрос дочь задала ей впервые, и у Юлии чуть слезы не навернулись. «Наконец-то! Наконец она заметила, поняла, что мне приходится нелегко, и если я не провожу с нею больше времени, так ведь не по своей вине!» А вслух сказала:

– Я раньше не хотела с тобой об этом говорить. По собственной глупости, конечно. Думала – зачем тебе знать, ты еще ребенок. А теперь понимаю, как была неправа.

Новое потрясение так ясно отразилось в голубых светлых глазах дочери, что Юлия была ошеломлена эффектом. «Ей давно нужен был взрослый разговор, а я отделялась нотациями. А ведь она почти женщина! Вон как выросла!»

– Устаю, и сильно, – продолжала Юлия. – И больше морально. Представь себя на моем месте. Всю ночь сидеть за телефоном и помогать прийти в себя людям, которые несчастны, одиноки, хотят покончить с собой...

– Я бы не смогла, – тихо ответила дочь, теребя край скатерти. – А знаешь, я как-то сама хотела тебе позвонить, поговорить...

– Ты?!

– Да. Но анонимно. Потом подумала, что узнаешь голос, и не стала...

– А о чем ты хотела поговорить? – Начала было Юлия. Но тут официант подлетел с бутылкой вина и пришлось замолчать. Когда ей налили полбокала, женщина с улыбкой указала глазами на дочь: – И юной леди тоже.

– Капельку, – шепотом добавила Оля.

Сразу вслед за вином «Боржоми» и тут же – шашлыки, картошку, овощи... Все выглядело так аппетитно, что мать с дочерью переглянулись и принялись за еду. Юлия залпом выпила вино – тосты она считала неуместными. Дочь едва пригубила, настороженно поглядывая на родительницу.

Ели молча. Во-первых, было очень вкусно («дома бы я так не приготовила»), а во-вторых, каждая втайне оттягивала предстоящий откровенный разговор. Юлия отлично понимала, что

дочь едва сдерживается, чтобы не выплеснуть перед нею свои тайны и невзгоды, но не торопила событий. А девочка как будто что-то тщательно обдумывала.

– Будешь еще вина? – спросила ее мать.

– У меня есть.

– Тогда я допью. Все равно поедем на такси. – И Юлия опорожнила бутылку в свой бокал. – Кофе хочешь? Пирожное?

– Нет, я лопну.

Допили вино – снова без тостов. Ресторан совсем опустел. Вдоль застекленных с пола до потолка дымчатых стен стояли официанты – в профессиональных позах – прямо, заложив руки за спины. Казалось, они могут стоять так лет сто, прежде чем их кто-нибудь не расколдует.

– Я еще закурю, – предупредила Юлия, слегка ослотив. Вино не слишком на нее подействовало – то ли усталости, то ли от недосыпа. Ей просто было тепло и приятно, она ощущала сытость и радовалась, что не нужно мыть посуду. И еще – что доставила дочери развлечение.

– Кури, – Оля подняла глаза – очень серьезные. – Хочешь спросить, отчего я собиралась тебе звонить?

– Сама скажешь, если действительно хотела позвонить. Представь, что звонишь.

Она улыбнулась, но дочь не ответила на улыбку. Она отвернулась к застекленной стене и уставилась на людской поток, плотно огибавший здание рестораника.

– У отца есть другая женщина, – произнесла Оля.

– Ты уже говорила. Я поняла.

– И ты ответила, что так надо!

– Нет, не надо, – с нажимом уточнила Юлия. – Но пойми – у каждого мужчины бывает период, когда ему нужно убедиться, что он еще может кого-то привлечь. Это инстинкт.

– Это гадость! – резко возразила дочь.

– Инстинкт, – повторила мать. – Это больно не только для тебя и меня. Ему и самому несладко. Он предпочел бы убедиться в этом через меня... Стало быть, не смог.

– Не понимаю!

– Я сама виновата. – Юлия говорила уже совсем доверительно, будто со сверстницей. Вино все-таки подействовало расслабляюще. – Забросила дом. Да и себя тоже... Он решил, что никому тут не нужен, попытался найти отдушину... Спасибо, что сказала. Я подтянусь.

«В самом деле, он давно просит выстирать ему эту рыжую майку! А я – ни с места! А когда сама-то за собой ухаживала? Когда была в парикмахерской? Так нельзя!»

– Как ты узнала? – спросила женщина, допивая остатки вина.

– Подслушала телефонный разговор.

– Давно?

– Несколько месяцев назад.

Юлия сжала губы со съеденной помадой. Несколько месяцев назад? И она до сих пор ничего не замечала? Безумие... Так заботиться о чужих проблемах и настолько не видеть своих!

– Как это было? – жестко, отбросив дипломатию, спросила она.

– Случайно, – почти испуганно исповедовалась дочь. – Ночью, когда ты была на телефоне доверия, я услышала, что кто-то говорит на кухне. Я думала, что папа спит. А кто тогда там? Мне стало страшно. Я встала, босиком туда пошла... А на кухне света нет, только голос раздается. Я-то боялась, что воры залезли, а это был он.

– И что же он говорил?

– Назначал свидание, – с мукой в голосе произнесла девочка, и Юлия вдруг опомнилась. Что она делает? Мучает, допрашивает ребенка, которому и без того несладко...

– Забудь, – приказала она, поднимая палец и подзывая официанта, чтобы расплатиться по счету. – Я сама во всем разберусь.

– Только ты не говори, что я...
– Не скажу. – Перед нею положили книжку со счетом и деликатно отошли. Юлия расплатилась, едва видя цифры, оставила чаевые. – А что было сегодня ночью? Кто ему звонил?
– Она, – с ненавистью ответила Оля.
– Как ее зовут? Что ты о ней знаешь?
– Ничего, мам. – Взгляд девочки беспомощно метался.
– Больше не подслушивай. – Юлия встала и знаком пригласила дочь последовать за нею. И уже на улице, ловя такси, твердо напомнила: забыть обо всем. И дала слово – она все уладит.

* * *

Исаева привели в чувство довольно быстро, но следователя к нему допустили только после полудня. Даня лежал в общей палате, безо всякого интереса разглядывая обстановку и своих соседей. Перед тем как идти к нему, следователь наскоро переговорил с врачом и остался доволен – молодого человека можно было выписывать через несколько дней. Но поговорить было необходимо сейчас. Все утро группа занималась выяснением того, кем был Боровин, и узнала немало интересного.

Одна часть группы тщательно обыскала его квартиру – тоже, разумеется, незапертую. Впрочем, слово «тоже» больше не годилось – все остальные обитатели тамбура заперлись после того, как узнали о случившемся. Квартира Дани также была заперта его ключами и опечатана до выяснения обстоятельств.

У квартиры Боровина был типично холостяцкий вид. Даже ничего не зная о ее владельце, можно было сказать, что это человек уже в годах, одинокий, не слишком здоровый, живущий, скорее, в мире книг, чем в реальности. Книги загромождали две небольшие комнатки до такой степени, что за ними с трудом различалась старинная мебель. Множество книг на иностранных языках, – большинство на итальянском. Холодильник почти пуст и в основном, занят лекарствами. В раковине – две тарелки со следами яичницы и кетчупа. Ничего спиртного, ни единой пепельницы с окурками. Цветов на окнах, птичек, рыбок и прочих безобидных домашних питомцев нет. В комнате поменьше – разобранная широкая постель – две смятые подушки, откинутое одеяло, съехавшая на пол простыня. В комнате побольше – письменный стол. Вот здесь был порядок, доведенный до педантизма: ручки и карандаши в стаканчике, протертый от пыли серебристый ноутбук, закрытый и отключенный от сети, сложенные стопочкой папки. В папках были рукописи. И – счастливая находка – ежедневник. Очень дорогой, из натуральной тисненой кожи, явно чей-то подарок. Его осторожно осмотрели – страницы наполовину были заполнены записями. И рукописи, и ежедневник, и ноутбук оформили как следственный материал и увезли.

Но самое главное, что обнаружили – или, скорее, чего не обнаружили – это следы крови. Их не было нигде – ни в комнатах, ни в ванной, ни на кухне. Перерыли все – чисто и сухо. Слазили под раковину, ощупали половые тряпки в ведре – сохлись, как мумии. Ими никто не пользовался.

– И какие выводы? – Следователь лично принял участие в осмотре, правда, явившись под конец. Ему пришлось побывать еще кое-где, и он замыкался в себе все больше. Дело оканчивалось скверным...

– Какие там выводы, Голубкин? – проговорил фотограф, делая последний снимок и поднимаясь с колен. Он любил пофилософствовать и часто впадал в фамильярный тон. Голубкин ему это прощал – во-первых, друзья, а во-вторых, работник тот был отличный. – Старичка убили не здесь. Бабенка соврала.

– Татьяна-то? – Следователь оглядывал книги и слегка морщился. Нет ничего тяжелее, чем обыскать такую квартиру. Улика, пятно крови – все что угодно может скрываться под одной из этих громоздких стопок. А разбирать их – адский труд.

– А что? – Фотограф любовно упаковывал камеру. – Прикончила соседа, а списывает на любовника. Да тут еще парень так удобно подвернулся. Сразу начал: «Что с Боровиным?»

– Не зря начал, – хмурился Голубкин, подходя к письменному столу. – Может, что-то слышал или видел, но от потрясения забыл.

– Как он? – подошел эксперт, тоже в основном закончивший работу. – Пыли-то здесь, пыли! Зато отпечатков – полно.

– К нему же ученики ходили.

– Так что парень?

– Я звонил. Он в сознании, поеду к нему через час. Ну что, ребята... Был я в институте, где преподавал Боровин...

Он поехал туда сразу после того, как убедился со слов врачей, первыми осмотревших Даню, что жизнь парня вне опасности. Куда ехать, узнали при первом же осмотре трупа – в кармане брюк обнаружился пропуск. Вход во двор был свободным, пройти через вахту очного отделения также труда не составило – вахтер в камуфляжной форме изумленно оглядел удостоверение и даже не нашелся, что сказать. Только указал, где кафедра иностранных языков.

Было всего девять, явились первые сотрудники. Студенты приходили на лекции к десяти.

– Боровин Алексей Михайлович здесь преподавал? – осведомился Голубкин, заглядывая в дверь.

– А что с ним? – немедленно спросила его сухонькая, симпатичная женщина в старомодных очках. Она сидела за длинным столом и разбирала какие-то карточки. – Опять в больнице?

Голубкин замялся и дал себе несколько секунд, чтобы оглядеть помещение. Высокие потолки – дом был старинный, девятнадцатого века, что он прочел на табличке у крыльца. Два окна с такими трухлявыми рамами, что открывать их явно было опасно – дерево рассыпалось бы на щепки. Несколько столов, шкаф, разномастные стулья. И двое мужчин лет пятидесяти, которые негромко что-то обсуждали, устроившись в продавленных креслах с сигаретами. Единственным молодым существом тут была девушка, удивленно высунувшая стриженую головку из-за компьютера, стоявшего в углу.

– Нет, не в больнице, – медленно сказал Голубкин и обреченно достал удостоверение. – Я по другому поводу... Он умер.

– Ой, – тихо произнесла девушка и тут же перестала стучать по клавиатуре.

– Боровин? – Сухонькая женщина встала из-за стола и подошла к следователю. – А вы... Пойдите...

Она рассмотрела удостоверение и подняла на визитера внимательные глаза:

– А почему вы пришли сюда? Жанна, работай.

– Что случилось? – Мужчины тоже опомнились, и все сотрудники кафедры окружили следователя. Ему пришлось ответить настолько детально, насколько он мог. Боровин убит. Этой ночью. Ударом в висок. Это было все, что он имел право сказать, и, собственно, сам знал немногим больше.

Реакция сотрудников была странной. Никто не стал восклицать, плакать, хвататься за сердце – а ведь подобные вещи часто проделываются просто по привычке. С одной стороны, человек ведь умер, не собака! (Хотя Голубкин однажды видел, как оперативник оплакивал своего пса, погибшего при захвате преступника. Тогда этот здоровенный парень, которому и нервов-то иметь вроде не полагалось, убивался так, что пришлось водой отливать.) А с другой стороны, никак не отреагировать на подобное известие – значит, показать, что у тебя что-то было против покойного. Так что реагируют почти все.

«А эти стоят, как усватанные! – заметил он про себя. – Будто я им прогноз погоды зачитал!»

– У него была первая лекция, – механически произнесла девушка за компьютером, и все обернулись к ней, будто она сморозила страшную глупость. Девушка окончательно сконфузилась и притихла.

– Так его убили в собственной квартире? – Тот из мужчин, что казался постарше, надел очки и тщательно поправил носовой платок в нагрудном кармане пиджака. Он выглядел франтом: твидовый костюм, дорогой яркий галстук, начищенные легкие ботинки. Другой смотрелся попроще и был одет в мешковатые штаны и свитер.

«Вот бы знать!» – подумал Голубкин и неопределенно качнул головой.

– Его убили дома, – сказал он, решив, что это наилучший выход из щекотливой ситуации. – Я должен задать несколько вопросов.

– У нас у всех лекции в десять, – напомнила ему дама и тут же представилась: – Марьяна Игнатьевна.

– Мы успеем, – следователь взглянул на часы. – Тем более что вопросы пока будут неофициальные, так, в порядке знакомства.

Все как-то вдруг подобрались, и это было настолько заметно, что Голубкин насторожился еще больше. «А этот Боровин, кажется, был сложной фигурой!»

– Во-первых, я хотел узнать, он был вчера в институте?

– Нет, что вы, – мгновенно ответила Марьяна Игнатьевна, и все закивали. – Он появлялся тут раз в неделю. Раньше читал через день, но потом стали болеть ноги, ему трудно было добираться, а машины нет. Так что ездил на такси. И лестницы тоже...

– Значит, вы видели его неделю назад?

Это все подтвердили.

– И как он себя вел?

– То есть? – спросил щеголеватый мужчина.

– Я имею в виду, он ни на что не жаловался? Не говорил, что у него какие-то неприятности?

– Ничего подобного не помню.

– А я помню, – робко высказалась девушка за компьютером, и следователь посмотрел на нее внимательней. – Он жаловался на ноги.

– Да он всегда жаловался на ноги! – отмахнулась от нее пожилая женщина. – Вот новость!

– Да, но он тогда сказал, что следующую лекцию может и пропустить... Вдруг опять придется лечь в больницу?

– Вы точно это помните? – спросил Голубкин девушку. – Извините, как вас зовут?

– Жанна, – смутилась та. – Конечно, помню. Но это случалось часто, так что даже на ученом совете...

– Жанночка, хватит, – с внезапной резкостью одернул ее мужчина в свитере, до сих пор молчавший, и девушка притихла. Зато Голубкин принял твердое решение – непременно познакомиться с нею поближе. Девчонке есть что сказать, а начальство зажимает ей рот. Кто она тут? Секретарь? Методистка? Такие иногда знают больше всех.

– Больше ничего? – Голубкин без всякой надежды посмотрел на старших сотрудников кафедры.

– Ничего, кажется, – сказал пожилой щеголь. – Да собственно, он мало с кем откровенничал. Держался особняком.

– Разумеется, – несколько ядовито добавил второй мужчина. – Он ведь у нас – звезда!

– Юра, – одернула его Марьяна Игнатьевна. – Не забывай...

– Да я все помню, – с тем же ядовитым раздражением отмахнулся тот. – На венки будем собирать? А хоронить за чей счет?

Марьяне Игнатьевне эти речи явно удовольствия не доставляли. Она смотрела на Юру так, будто хотела заткнуть ему рот своим взглядом. Но тот ничего не желал замечать.

– Он, Боровин, – обратился Юра к следователю, – давно жил за счет частных уроков. А институт ему был нужен только затем, чтобы говорить, что он тут работает. Между прочим, лекции я часто читал за него!

– Юра! – теперь возмутился и щеголь в ярком галстуке, – каким бы ни был Боровин, а все-таки он был!

– Пойдите, пойдите, – с трудом вмещался следователь. – Я хотел задать еще вопрос – неужели он ни с кем не дружил? Не общался близко?

– Ни с кем, – ответила женщина.

– Но почему?

Ответом было молчание, и вслед за ним – резкий, оглушительный звонок. Все подошли к своим столам и взяли журналы.

– Пора на лекции, – сказала женщина, прижимая журнал к плоской, высохшей груди. – Надо все-таки что-то делать. Распорядиться по поводу похорон... Я извещу ректора.

– Сколько на венки сдавать? – буркнул Юра и вдруг остановился. – Так-с. А его студенты? Они ждут, между прочим.

– Ну на этот раз он не явился по уважительной причине, – цинично заметил щеголь и исчез за дверью вслед за коллегами.

Следователь смотрел на закрывшуюся дверь несколько остолбенело. Сказалась и бессонная ночь, и удивление перед лицом такой реакции. Его привел в себя тихий, сдавленный звук. Он обернулся. Жанна плакала, сгорбившись за компьютером. Голубкин немедленно подошел к ней и тронул за плечо:

– Ну-ну! Не надо так...

Договорить он не успел. Девушка подняла к нему круглое, миловидное личико и срывающимся голосом, сквозь слезы, заявила, что Боровина никто, никто здесь не любил! И даже теперь, когда он умер и надо бы пожалеть, все простить, они...

– Деточка, – Голубкин фамильярно присел рядом на свободный стул, продолжая обнимать ее за плечо: – А почему так? У него что – был вздорный характер?

– Ему все завидовали! – почти простонала девушка и уткнулась головой в клавиатуру, от чего на экране выскочила куча абракадабры.

Девушку пришлось успокаивать недолго. Хватило стакана воды и еще нескольких ласковых слов. После чего Жанна поведала обо всем, что знала и еще о том, о чем догадывалась.

Из ее рассказа следовало, что Боровина на кафедре не только не любили, но попросту ненавидели. Из-за чего? Он имел громкое имя, массу платных учеников, пользовался успехом как переводчик, но главное – всегда вел себя совершенно независимо. Никогда не принимал участия в попойках на кафедре, после которых ей, Жанне, приходилось выгребать пустые бутылки и мыть тарелки ледяной водой (горячей в институте отроду не было). Никаких романчиков, никаких интриг. Словом, он держался так, будто его задача – явиться раз в неделю и отчитать свою лекцию.

– Остальные обижались, – говорила девушка, уже чуть успокоившись, – особенно Юра. Его можно понять, он часто замещал Алексея Михайловича, когда тот болел, но...

– Слишком часто?

Она кивнула:

– И очень ему завидовал. Именно он на последнем ученом совете и поставил вопрос о том, сколько может длиться подобный хаос. Сказал, что если Боровин пренебрегает своими обязанностями и своими студентами – пусть читает лекции на дому.

– А что ответил Боровин?

– Его там не было, – пояснила Жанна, вытирая подсохшие слезы. – Он никогда не ходил. Еще и это! На него обижались сперва за то, что он никого не замечает, а потом сами перестали замечать. Специально. А вот студенты его просто обожали!

Она была готова снова разрыдаться, но Голубкину пришла в голову идея.

– Жанночка, а студенты? Они ведь его ждут!

– Ой, – она вскочила, едва не уронив стул. – Побегу, скажу... Что будет!

– Я с тобой!

Жанна благодарно на него взглянула и непроизвольно всхлипнула.

Пройдя по гулкому коридору и поднявшись по старой лестнице, каменные ступени которой были так стертые в середине, что казались прогнутыми, они подошли к дверям аудитории. Там раздавался неясный гул, который становился все громче. Жанна беспомощно взглянула на следователя:

– Как я им это скажу?

– Просто иди со мной, – решил следователь. – А говорить буду я.

Они вошли, и шум моментально стих. Студенты бросились было рассаживаться по местам, но увидев, что вошла всего лишь методистка да еще какой-то незнакомый мужик, в ожидании усталились на них. Тут было человек пятнадцать. Постарше и совсем школьники, одетые как шикарно, так и скромно, те, кто смотрел на него, и те, кто преспокойно продолжал болтать, повернувшись спиной.

– Господа студенты, вот что я вам скажу, – решительно начал Голубкин, мельком показывая свое удостоверение. – Ваш преподаватель Алексей Михайлович Боровин этой ночью был убит. В своей квартире, – повторил он то же, что сказал на кафедре.

По аудитории пронесся легкий, едва различимый вздох. Теперь все молчали.

– Я веду это дело. Долго говорить не буду, просто запишу вот этот номер.

Он повернулся к доске, взял мелок и написал свой рабочий телефон и имя.

– Каждый, кто может и хочет что-то рассказать о Боровине, звоните. Можно и ночью – там есть автоответчик. Меня интересует все.

– Допрыгался! – звонко и четко раздалось где-то в глубине аудитории, и следователь немедленно взглянул туда. Парни, девушки – все смотрели на него с непроницаемыми лицами. «Студенты его любили» – говорила Жанна. Тогда...

– Кто это сказал?

Голубкин не получил ответа. Все молчали – даже те, кто явно мог указать на говорившего.

– Хорошо, – следователь стряхнул с пальцев частички мела. – Я прошу звонить.

Он вышел и не стал дожидаться Жанны, которая осталась в аудитории, объясняя что-то окружившим ее студентам. Вышел во двор, сел в машину, на минуту задумался...

– Вот такая ситуация, – сказал он группе, которая уже собрала все вещи и готовилась уходить из квартиры Боровина. – На кафедре его ненавидели и завидовали. Насчет студентов методистка говорит, что обожали, но и там кто-то имеет на него зуб. Поеду-ка я к Дане. Кажется, работенка будет веселая. Контактных слишком много.

– Да ты бы выгнал их всех в коридор и вызывал по одному, как на экзамен!

– Сдурел? – Следователь постучал себя пальцем по виску. – До вечера? И толку бы не было. Им требуется время все обдумать. Нет, мне нужен Даня.

В глубине души он был уверен, что поступил правильно, не допрашивая ребят по свежим следам. Кто-нибудь из них позвонит. Обязательно позвонит. И это может быть даже тот (или та), кто сказал: «Допрыгался!» В этом возгласе звучали ненависть и презрение – очень искренние и очень юные. А значит, искренние вдвойне.

Глава 4

Даня едва повернул голову, когда с ним поздоровались. Выглядел парень неважно – круги под глазами, пересохшие губы, отсутствующий взгляд. Он был в больничной пижаме, рядом с постелью на штативе стояла капельница. На тумбочке пусто – ни фруктов, ни цветов, ни книг. Сразу было ясно, что родственники его не навестили.

Был час посещений, и в палате толкались посторонние. Голубкин огляделся. Вон – молодая женщина склонилась над постелью, улыбается пациенту, наверняка, мужу. Как-то неискренне, вымученно улыбается. А вон – старуха, молча сидит на краю постели и смотрит на мужчину в расцвете лет. Тот ей что-то говорит, старуха кивает и вздыхает. А вон, в углу, спит пожилой мужчина. К нему никто не пришел, как и к Дане.

– Как вы себя чувствуете? – негромко спросил следователь, придвигая стул и усаживаясь у изголовья кровати.

– Погано, – сухо ответил Даня.

– Ну ничего. Врач сейчас сказал, что вас выпишут через недельку.

Исаев завел глаза и отвернулся. По всему было видно, что вопрос выписки его несколько не волнует. Следователь наклонился:

– Кому-нибудь сообщить, что вы здесь?

– А кому? – без выражения ответил парень.

– У вас что – нет родственников? А родители?

– Я не сирота, – тот повернул голову, и Голубкин поразился тому, как осунулось и постарело за считанные часы это юное лицо. – И родители у меня, конечно, есть. Я сам сообщу.

– Да, так наверное, будет лучше, – пробормотал следователь. В сущности, он вовсе не рвался общаться с родней самоубийцы. И что бы он сказал? «Ваш сын (брат, внук) порезал себе вены, а я его нашел. И более того, парень подозревается в убийстве». Нет уж – пусть Исаев сам рассказывает папе и маме, почему пошел на такое. А с него хватит и Боровина.

– Лучше! – беззвучно рассмеялся Даня. Это был страшный, издевательский смех полутрупа. – Конечно, лучше некуда! Кстати, насчет сообщить... Где мой мобильник? Вы можете его привезти? Как-то смутно помню, что вы были в моей квартире... Вы – следователь, так?

Голубкин представился по полной форме и сообщил, что телефона пока отдать не может. Но обязательно вернет.

– Вот как, – удивился парень. – Это почему? Вообще, что с моей квартирой? У меня все, как в тумане. Не помню, как оттуда уезжал.

– С квартирой все в порядке. Мы ее заперли, ключи были у вас в кармане пиджака. А насчет отъезда, конечно, вы ничего не помните. Вы были без сознания.

Даня отвел взгляд и пробормотал:

– Как глупо!

«Еще бы не глупо! – согласился про себя Голубкин. – Молодой, здоровый, и такую дрянь отчудил!» А вслух сказал, что хотел бы задать несколько вопросов.

– Задавайте, – устало ответил парень, по-прежнему глядя в сторону. – Ответу, если смогу.

Следователь огляделся. Палата опустела – старуха и молодая женщина ушли, остались только пациенты. Но они вовсе не интересовались тем, что происходило на первой койке от двери. Каждый был где-то в своем мире. Пожилой мужчина по-прежнему спал, даже начал слегка похрапывать. Час посещений окончился, но для Голубкина было сделано исключение.

– Пока это неофициально, – сказал он парню. – Позже оформим.

– Ничего не понимаю, – ответил тот, и тут их взгляды встретились. Следовательно чуть не поежился – такая усталость была в этих синих глазах. В них было еще что-то, очень неприятное, но что? Цинизм? Ложь? Издевка?

«Тоже мне, «герой нашего времени»! – разозлился Голубкин. – Сопляк, а корчит из себя...».

– Понимать особо нечего, – сдержанно сказал он. – Вы привлекаетесь, как свидетель.

– А, вот как! – Даня сделал попытку сесть, но не удалось – он лишь повыше взобрался на подушку. – А я думал, что меня за это!

Он показал перебинтованные запястья. Следовательно качнул головой:

– За это не привлекают.

– А я слышал, что в каких-то странах – привлекают.

– Но не у нас. С самим собой можно делать все, что угодно.

– Спасибо, – парень криво улыбнулся. – Я законов не знаю, извините. Тогда в чем дело, собственно?

– В Боровине.

Произнося это имя, следовательно опасался, что оно снова произведет оглушительный эффект, как тогда, на квартире у Дани. Но парень и глазом не моргнул. Он продолжал смотреть на Голубкина странным, остановившимся взглядом.

– Вам уже это говорили, но вы могли и не запомнить. Боровина убили. Это ваш сосед по тамбуру – Я все запомнил, – отчетливо произнес Даня.

– Хорошо. Тогда вы сказали, что ничего не слышали и не видели. Сейчас подтверждаете? Или можете что-то вспомнить?

– Ничего.

– Вы сказали, что общались с ним, брали у него уроки итальянского языка. Как часто?

– Три раза в неделю, – тут же ответил парень. – Вторник, среда и четверг. Мы занимались по часу.

– Значит, три раза в неделю вы его видели и общались с ним?

– Не только я, – уточнил тот. – У него было много учеников. Так много, что нам приходилось заниматься в очень позднее время.

– А именно?

– С одиннадцати до двенадцати. По вечерам.

– Да, поздновато. Хотя, конечно, времени на дорогу вам тратить не приходилось.

– Не больше минуты, – вдруг улыбнулся Даня, и эта улыбка уже не была неприятной. Он как будто вспомнил что-то хорошее. Казалось, даже тени под глазами стали меньше. – В сущности, для меня это было очень удобно. Я – «сова» и к ночи лучше соображаю. Вообще, предпочитаю жить по ночам.

«Прямо, как граф Дракула! – усмехнулся про себя следовательно. – А все-таки с ним что-то не так. То ли он что-то врет, то ли играет со мною... Уличить не могу, но чувствую!»

– Алексей Михайлович... – в какой-то прострации проговорил парень, прикрывая затуманенные глаза. – Убит. Невозможно поверить. Как?

– Вы спрашиваете, как его убили? – Следовательно еще раз оглянулся. Пациенты дремали, завернувшись в одеяла. Их никто не слушал. – Ударом в голову. Пробили висок.

– Боже... – только и сказал Даня, судорожно сжимая пальцы. Рука дрожала и плохо слушалась.

– Вы часто его видели. – Голубкин старался говорить мягко и доверительно, хотя никакого доверия он к этому субъекту не испытывал. И сам не мог понять, почему. – Скажите – у него были враги? Недоброжелатели?

Даня смотрел на него помутневшим взглядом и молчал.

– Вы были соседями, он был вашим учителем. Неужели он ничего о себе не рассказывал?

– Ничего, – с трудом выговорил Даня. – Алексей Михайлович был очень сдержанный человек.

– У него были долги?

Тут Даня попробовал улыбнуться, и улыбка снова вышла настолько нехорошей, что следователя передернуло.

– Долги? У него? Да Бог с вами! Он зарабатывал намного больше, чем мог прожить.

– Ну а враги? Завистники?

Последнее слово вырвалось случайно. Голубкин припомнил странные сцены в институте, где преподавал Боровин, и сказал это прежде, чем успел обдумать. Даня рывком сел на постели. Его силы как будто разом восстановились. Расширенные глаза заблестели – угрюмо и лихорадочно.

– Завистники? – переспросил он, перекашивая рот на сторону. – Конечно, были! Из его института!

– Так-так! – Следователь сделал знак говорить потише, и Даня понял. Он продолжал шепотом:

– Были, да еще какие! Они со свету его сживали!

– Сотрудники?

– Коллеги, – с издевкой поправил его парень. – Кому хочется видеть, что кто-то лучше? Умнее? Состоятельней?

– Это сам Боровин говорил?

Даня вдруг ушел в себя и разом растерял запал. Он с минуту о чем-то подумал, а потом заявил, что очень устал и хочет спать. Возражать было невозможно – в конце-концов, тот еще пару часов назад балансировал между жизнью и смертью.

Голубкин встал, поправляя на плечах застиранный белый халат, который выдали ему в гардеробе.

– Больше вы ничего не хотите мне сказать? – спросил он напоследок.

– Ничего не могу, – парень подчеркнул голосом слово «не могу». – Я хочу спать.

– Я зайду, когда вам станет лучше, – пообещал следователь. – Только... Еще один вопрос.

Даня чуть приподнял ресницы. Казалось, это движение далось ему с большим усилием.

– Почему вы покушались на свою жизнь?

– Кажется, – после паузы сказал тот, – вы только что сказали, что я не обязан в этом отчитываться.

– Да, но совпадение... Убит ваш учитель и сосед. И в то же самое время вы пытались покончить с собой. Ведь не просто так? Должна быть причина!

Он жадно вглядывался в меловое, безжизненное лицо, в эти опустевшие глаза. Даня слегка шевельнул пересохшими губами.

– Причина была. Но это мое личное дело.

В палате стало так тихо, что было слышно, как метель скребется в окна когтистыми снежными лапами.

– Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым...
Любовь вдвоем на гибель нас вела...

Даня говорил почти беззвучно, едва размыкая губы. Следователь ловил каждое слово, но... Ничего не понимал!

– Простите, – он склонился к постели, пытаясь встретить ускользающий синий взор. – Вы о чем?

– Я? – слегка очнулся тот. – Это Данте. «Божественная комедия». Собственно говоря, сперва это называлось просто «Комедией», а эпитет «Божественная» присвоили ей современники Данте.

– Как? – Голубкин был совершенно выбит из колеи. Безумие, бред!

– Забудьте, – Даня созерцал потолок. – Это я так... Вырвалось. Алексей Михайлович очень любил Данте. Вы ведь не читали?

– Не читал, – раздраженно признался следователь. Этот персонаж положительно выводил его из себя! Не знаешь, с какой стороны подступиться, везде напарываешься на истерику или на загадочные выражения!

– А я и по-итальянски уже читал, – с улыбкой сказал Даня. Он по-прежнему любовался потолком. – Скажите, он быстро умер?

– Вероятно, да, – следователь вконец потерял терпение. Парень не любил отвечать на вопросы, зато с удовольствием их задавал. Это вовсе не входило в его планы. – От такой раны умирают практически моментально.

– А чем его ударили?

– Понятия не имею, – ответил Голубкин, и сказал чистую правду. Они, в самом деле, не смогли обнаружить в квартире Боровина ни единого подходящего предмета, запачканного кровью. Вообще ни единого следа крови не было! Зато на кухне у Татьяны, соседки, крови было предостаточно...

– Его ограбили? – допытывался Даня, стараясь приподняться на локте. Эти усилия не шли ему на пользу – он выглядел так, будто вот-вот потеряет сознание.

– Не похоже.

В самом деле, квартира покойного Боровина вовсе не выглядела так, будто по ней шарили грабители. Все вещи на месте, шкафы закрыты, даже пыль на книжных полках лежит нетронутой серой пеленой – никто к ней не прикасался.

– Да что у него было брать? – Даня как будто не слышал ответа и продолжал рассуждать сам с собой. Его голос звучал глухо и монотонно. – Деньги он хранил в банке – сколько раз говорил. Из ценных вещей – почти ничего. Ну, были кое-какие редкие книги. Только, чтобы их красть, нужно понимать... Вот и все!

Он поднял на Голубкина ясные синие глаза:

– А вы как думаете? Почему его убили?

– У вас хотел спросить!

Следователь не вытерпел, сорвался. Этот парень действовал ему на нервы – все больше и больше. Вроде бы ничего крамольного в его поведении не было, вел себя вежливо, говорил охотно... И все-таки, в нем было «что-то не то» – правильно выразился его приятель, фотограф. Очень даже «не то». Стоило подступить к важной теме, Даня сразу сворачивал в сторону. Будто нарочно изображал беспамятного. В его положении это было легко – чуть не умер, сидит на стимуляторах. А кровь?! Кровь в его квартире?! Следователь чуть не схватился за голову. Крови там было больше, чем достаточно! Но вся ли она... Вся ли она принадлежала Исаеву?

– Мне пора. – Он на ходу принялся стаскивать с плеч застиранный больничный халат. – Зайду на днях.

– Пойдите!

Окрик прозвучал так болезненно и резко, что разбудил всю палату. Голубкин поморщился, увидев обращенные к нему лица.

– Отдыхайте, – бросил он, направляясь к двери.

– Его убили... – задыхался Даня, приподнявшись на локте, иступленно глядя на следователя... И в то же время, сквозь него. – Его убили... Его убил я!

– Мать вашу... – Чуть слышно выдохнул Голубкин, и едва не перекрестился.

– Я его убил! – Голос Дани постепенно набирал силу, теперь он говорил так звучно, будто был совершенно здоров. – Я! Я все вспомнил! Вы – следователь? Идите сюда! Я все расскажу! Записывайте! Вы будете записывать? У меня и свидетели есть! Я его убил!

Парень уже сидел на постели, безумными глазами оглядывая палату, будто впервые обнаружив, куда попал. И вдруг расхохотался:

– Я в сумасшедшем доме?

– Нет, нет, – Голубкин быстро подошел к нему и силой заставил лечь. – Это больница. А ты, дружок, – он перешел на «ты», как с тяжелобольным, – ты отдохни сперва, потом поговорим. Я завтра приду.

– Ну нет! – Даня сделал рывок, чтобы снова сесть, и Голубкин внезапно понял, как тот силен.

«А что? – мелькнуло у него в голове. – Мог и приложить старичка... Запросто. Только вот... Почему?»

– Я все скажу! – кричал он, вырываясь из рук следователя. Тот ненароком схватил его запястья и отшатнулся – через бинты проступила кровь. Даня кричал что-то уже совсем несуразное, как будто даже не по-русски, рвался, кинул на пол подушку, едва не сбил капельницу...

В палату вбежала медсестра:

– Да что тут? Ой!

Она бросилась к больному и отодвинув растерявшегося Боровина, стала поправлять повязки. Даня внезапно утих. Его взгляд все еще искал следователя, но тот отводил глаза.

«Псих. Вот повезло! Пока придет в себя... Да придет ли еще? Делать нечего. Столько на него надеялся, и вот вам! Говорит – убил!»

Долгий опыт научил его, что никогда не стоит верить тому, кто первым берет на себя вину. Часто это признак истерии и очень редко – правда.

– Исаев! – Следователь едва переводил дух. – Я приду к вам завтра. Обещаю.

– Нет, я сейчас, сейчас скажу... – Тот рвался из крепких рук медсестры, а та с привычно-суровым видом удерживала его. Уже все пациенты в палате сидели, с любопытством наблюдая за разыгравшейся драмой.

– Завтра, – отчеканил следователь.

– Нет, сейчас! Я убил его! Я убил его, потому что... – Даня поперхнулся глотком воздуха и повис на руках у медсестры. Та уложила его и торопливо накрыла одеялом. Гневно обернулась к следователю:

– Не видите – он совсем плохой!

– Я все скажу, – чуть слышно проговорил Даня. – Никому не верьте, никого не слушайте. Правду скажу только я. Вчера у меня был урок. Я же говорил – у меня были уроки во вторник, среду и четверг. Вчера был четверг...

«Точно, четверг! – припомнил следователь. – Как я сразу не сообразил! Убили ночью... А уроки у них были до полуночи. Стало быть, парень видел Боровина последним?»

– Мы позанимались, – торопливо шептал Даня. Его лицо заметали серые, мертвенные тени, глаза едва открывались под тяжестью длинных ресниц. – Потом... Потом я не помню. Кажется, я убил его.

– Брось, милый, – остановил его Голубкин. – Чего ради?

– Уйдите, – нервно сказала медсестра, пытавшаяся приладить иглу капельницы к вене Исаева. – Тут не полагается после трех!

– Я убил его, кажется, – монотонно повторял парень. – А потом... Помню улицу. Я шел по улице, было так холодно... Я даже не оделся. Был в костюме. Да, пальто я не надел, потому что вышел не от себя, а от него. А к нему я конечно, ходил без пальто. Потом... Вы говорили – я пил что-то?

– Коньяк... – машинально ответил следователь.

Даже медсестра остановилась, ловя каждое слово, хотя конечно, мало что понимала в этой потусторонней исповеди.

– Да, я купил коньяк. В магазине, – уточнил Даня, как будто были другие варианты. – Я уже несколько дней подряд покупал коньяк. Мне было так плохо!

– Почему?

– Не знаю. Жить не хотелось.

– А что же дальше?

Даня прикрыл глаза и покорно опустил голову на подушку. Его лицо казалось мертвым.

– Потом, – он едва шевельнул губами, – я напился и лег спать.

– Вы сперва перерезали себе вены!

– Т-сс! – шепнула медсестра, прикрывая губы пальцем. Даня улыбнулся, не размыкая иссохших белых губ.

– Вот этого я не помню, – сказал он. – Убейте – не помню.

* * *

«Провались оно все! – яростно рассуждал Голубкин, застряв в пробке на Садовом кольце. – Признался в убийстве – сделал одолжение! А кто его заставлял? Сам, сам! А ведь не он!»

Что «не он» – конечно, оставалось под большим сомнением. Но Голубкин так «чувствовал», а чутье его обманывало редко. Слишком явно, чтобы быть правдой. Слишком много улик против Дани. И парень-то не в себе – его и не посадят, а отправят лечиться. И потом – причина? Причина-то была?

«Что он там нес про свидетелей? Будем надеяться, это нормальные люди... Если они ему не привиделись. Надо бы еще поговорить. Скажем, опросить соседей. Кровь у него в квартире – на экспертизу. Может, и не от него одного... И тряпки проверить. Вдруг убил, протер полы в квартире Боровина, унес тряпки к себе... Нужно срочно узнать группы крови у Боровина и Дани. И еще эта Татьяна!»

Она вспоминалась ему как-то смутно. Хотя внешность у женщины была яркая. Темно-зеленые глаза, пышные ресницы, волосы, отливающие медью... Она была вне себя, когда встретила группу, нервничала, злилась, и это понятно – кому понравится найти на собственной кухне труп соседа! Но сейчас Голубкин думал, что злилась-то она больше по другой причине. Она так страстно, с такой ненавистью говорила о своем неверном любовнике и о его любовнице, что было ясно – труп волнует ее очень мало.

«Ну увидим».

Пробка постепенно рассасывалась – впереди, наконец, тронулись с места машины. Был час пик, вечерело, в стекла бил мокрый липкий снег. Голубкин торопливо втиснулся в просвет, надеясь выиграть хоть несколько минут. Он ехал на встречу с Димой – с тем типом, чью визитку отдала ему Татьяна. На звонок ответили сразу. Дима удивился, но согласился повидаться. Если верить его спокойному, начальственному тону, о происшествии в тамбуре он ничего не знал.

Настроение у Голубкина было – хуже некуда. Когда он вышел из больницы, ему позвонила сотрудница и зачитала список наград и титулов покойного Боровина. Титулов было много – и отечественных, и зарубежных. Наград также хватало. И хотя напрямую все это к делу не относилось, Голубкин поежился, думая о том, как все обернется в случае неудачи. Боровин, получается, знаменитость. А уж тут шутки в сторону!

– Простите, у меня мало времени, – навстречу Голубкину поднялся стройный, молодой мужчина лет сорока. Внешность его можно было описать кратко: «Женщинам нравится, мужчинам – нет». Темные, непроницаемые глаза, аккуратная прическа, тонкие губы. Дорогой

костюм, на запястье тяжелые часы «Ролекс» – Голубкин успел заметить марку, когда пожимал руку.

– У меня тоже немного, – Голубкин присел к столу, не дожидаясь приглашения. Таких офисов он видел сотни – вылизанных, стерильных и безликих. Среднедорогая мебель. Драцены в кадрах. Картины на стенах, о которых забываешь, стоит отвести взгляд. И такие вот среднедорогие господа, вроде этого Димы. Гладкие, душистые и совершенно никакие. Серийного производства.

– Я уже сказал, что случилось у вашей знакомой, – начал было Голубкин, но Дмитрий Александрович Красильников – так значилось на визитной карточке, которую преподнесла группе его экс-любовница, тут же взвился:

– А я тут при чем? Возмутительно! Когда вы позвонили и сказали, кто вы, я подумал, что-то важное!

– Важное, – удивленно ответил следователь. – Да что вы переживаете?

– Я не переживаю! – Красильников заметался по кабинету, роняя на пол пепел сигареты. А следователь, следя за его неровными, спотыкающимися шагами, вдруг подумал, что выглядит эта истерика ненатурально. Наигрыш. «И с ним что-то не то!»

– Я ведь представился, – напомнил Голубкин, – и вы сразу согласились поговорить. Я прямо сказал, что это по поводу Татьяны Кривенко. Чему вы сейчас удивляетесь?

– Кривенко, Кривенко, – бормотал хозяин кабинета, расхаживая взад-вперед и натываясь на мебель. – Ах, да! Татьяна, Таня! Я редко звал ее по фамилии. Вы сказали, у нее какое-то несчастье?

Он поднял взгляд, и Голубкин тайком прикусил губу. Такие глаза он очень не любил. Темное болото, трясина, покрытая ряской. Сверху – ясно, внутри – засасывает. И хотя он отлично понимал, что ни один человек не виноват в том, какая внешность ему досталась от природы, такие глаза все равно терпеть не мог.

– В ее квартире после вашего ухода обнаружился труп, – сухо сказал Голубкин. – И ваша приятельница не понимает, как он там оказался.

– Господи! – Красильников резко остановился. – Как, труп?

– Да так. У нее на кухне, повторяю, найден труп. Убит ее сосед по тамбуру.

– Кто?!

– Боровин. Преподаватель итальянского языка. Вы его знали?

Тот осторожно потер щеку – будто боялся смазать грим. Взгляд остановился.

– А я думал, что она... Простите! – замороженно ответил Красильников. – Я никого там не знал. Я думал, что она насчет ключей пожаловалась...

– Кстати, о ключах, – заторопился следователь. – У вас были ключи от тамбурной двери и от квартиры Татьяны?

– Она сама дала. – Мужчина снова осторожно потер щеку, будто она была отморожена. – Я и не просил. Я думал, вы по этому поводу... Конечно, теперь она все на меня может спихнуть. Обокрали – я виноват! Подкинули что-то – я виноват! Она ведь на меня злится.

– Почему?

– Да я... – Красильников интимно усмехнулся и подошел вплотную к следователю. Его дыхание пахло мятной жевательной резинкой и дорогим табаком. – Я встречался у нее на квартире с одной девочкой. Ну... И понятно – кому это понравится?

– Так... А все-таки, насчет ключей?

Голубкин видел – тот готов рассказать о многом.

И еще – «клиент» в истерике. В тихой такой истерике, так сказать, интимной. И это ему нравилось. Это обещало новые факты, а стало быть – скорое разрешение дела. Иногда – если затронуты были персоны вроде Боровина – он ненавидел свою работу. Слишком много знакомых, слишком много связей... И поди – разберись!

– Когда мы стали с нею встречаться, она сама предложила взять ключи от квартиры, – говорил Красильников, теребя сигареты в пачке. Судорожно закурил, выдохнул голубой дым. – Так ей было удобнее. Вы понимаете – женщина занимается только работой, личная жизнь для нее – побоку.

Следователь кивнул.

– Ну и вот... Иногда я приходил к ней минут за десять до того, как она возвращалась со службы. Виделись два-три раза в месяц, примерно в течение года. Она часто бывала в командировках. Ну и...

Дмитрий неловко откашлялся.

– У меня появилась другая... Вы можете меня понять?

Следователь даже не думал о том, чтобы понять подозреваемого. У него, Бог знает почему, явилась мысль, что он обманул дочку. Обещал сводить ее в Третьяковскую галерею – и не сводил. На девушек – «других» и «не других» ему было наплевать. У него дома была своя «девушка» – двенадцати лет, с ясными дерзкими глазами и нелегким характером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.